

ЛЕОНИД
КУДРЯВЦЕВ

ОХОТА
НА КВАКА

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Леонид Викторович Кудрявцев
Охота на Квака
Серия «Ессутил Квак», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119326
Охота на Квака:

Аннотация

Не оставляйте тело без присмотра, отправляясь на прогулку по киберпространству!

Никогда не доверяйте бродячим программам – они себе на уме!

Опасайтесь встречи с гнусными кибербандитами – они наносят удар из-за виртуального угла!

«Охота на Квака» – это искрометный юмор и головокружительные приключения, это стремительные погони и смертельные поединки, совершенно невероятные встречи и совершенно непредсказуемые ситуации!

Эта книга захлестывает ураганом фантазии, от нее просто невозможно оторваться!

Содержание

1.	4
2.	23
3.	39
4.	54
5.	64
6.	84
7.	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Леонид Кудрявцев

Охота на Квака

1.

Я сидел в таверне «Кровавая Мэри» и слушал, как Хоббин и Ноббин рассказывают о прелестях охоты на кротов, когда в нее заглянул Сплетник, здоровенный старикан, с большой нечесаной бородой, из которой торчали обрывки слухов.

Сплетник некоторое время топтался у двери, видимо, соображая, не получит ли он тут по физиономии. Его взгляд обежал таверну по кругу, то и дело останавливаясь то у одного, то у другого посетителя. Возле стойки он подпрыгнул и, поведив из стороны в сторону остреньким носом, удовлетворенно кивнул.

Сплетник тихонько свистнул, и взгляд опрометью бросился к своему хозяину. Вскарabкавшись ему на плечо, взгляд что-то быстро— быстро зашептал Сплетнику в длинное, остроконечное ухо. Тот довольно крикнул и, решившись, потопал к стойке. Бармен, худой, скособоченный, морщинистый, чем-то смахивающий на большой гриб-поганку, у которого слегка разладилась настойка цветов, тотчас поднял глаза к потолку. Там, среди плафонов, выписывали замысловатые кренделя стайки крохотных радужных рыбок.

Сплетник облокотился на стойку и кашлянул. Бармен был настолько увлечен рыбками, что не обратил на это никакого внимания.

Сплетник кашлянул снова. Бармен, по-прежнему глядя вверх, выудил из-под стойки длинный сачок, взмахнул им, пытаясь поймать одну из рыбок, и промахнулся.

У Сплетника из ушей потянулись сизые струйки дыма. Взгляд его покраснел, соскочил на стойку и нервно по ней забегал. Бармен замахнулся еще раз и застыл, видимо, карауля момент, когда заинтересовавшая его рыбка, с перепугу шарахнувшаяся к самому дальнему плафону, вновь окажется в пределах досягаемости сачка.

Сплетник придвинулся ближе к стойке и вполголоса сказал:

– Кстати, о дополнительных источниках инфобабок... Если псевдонапиток разбавить некоторым количеством белой информации и потом должным образом произвести возгонку...

Бармен вздохнул, сунул сачок под стойку и, с отвращением посмотрев на Сплетника, пробормотал:

– Черт, как ты узнал?

Сплетник самодовольно улыбнулся.

– А ты думал, я не узнаю?

Бармен тяжело вздохнул. За какую-то секунду он, казалось, стал еще более скособоченным и морщинистым.

– Ладно, чего тебе?

– Как обычно, – пожал плечами Сплетник. – Две порции «Солнечного настоя». Для начала.

– Хорошо. Но учти, вздумаешь распугивать посетителей...

– Как можно? – Сплетник улыбнулся.

– Я тебя предупредил. Попытаешься опять заниматься своими штучками – выгоню, и ходу тебе в мое заведение больше не будет. Смекаешь?

– Еще бы.

Сплетник довольно потер ладони. Взгляд уже вскарабкался ему обратно на плечо, крепко вцепился в него крохотными коготками и умиротворенно закрыл глазки. Бармен достал из-под стойки бутылку с яркой этикеткой...

Как раз в это время Ноббин хлопнул меня по плечу, и заявил:

– И все-таки, я этому паршивцу кроту признателен. Он сделал меня мудрее и чище. Гоняясь за ним, я постиг многие законы жизни.

– Например? – спросил Ноббин.

Стол, за которым мы сидели, слегка завибрировал. Это большие, несуразные ноги Ноббина принялись выбивать под ним мелкую дробь.

– Однажды, догоняя его, я крикнул, что он морально меня ниже. Почему? Да потому что он убегает, а я догоняю. В ответ крот поведал мне закон выталкивания. Он сказал, что навоз обязательно всплывает наверх. Кстати, Ессутил, там, в

вашем мире, так именно и происходит?

Я кивнул. И поморщился.

Не люблю, когда меня называют по имени. Не нравится мне оно. Хотя, по идее, я и должен был им гордиться. Как же, имя, передающееся в нашей семье из поколения в поколение, доставшееся нам от одного из легендарных программистов. Наверняка, когда им называли моего прадедушку, оно даже означало что-то очень важное, значительное, героическое. Вот только мне-то какое до этого дело? Я лично не нахожу в нем никакого смысла. И, кроме того, оно мне не нравится. Если я когда-нибудь надумаю жениться, да еще к тому же заведу детей, древняя традиция моей семьи будет нарушена. Ни один из моих отпрысков этим легендарным именем назван не будет.

– Таким образом, закон... – начал было Хоббин.

Как раз в этот момент какой-то тип, сильно смахивающий на гнома из детских книжек, остановился возле нашего столика. Хлопнув Хоббина по спине, он радостно завопил:

– Ага, старый хрен! Давненько не виделись. Как поживаешь? Вижу, вижу что хорошо. Все по кабакам, да забегаловкам. А вот мне приходится себе на жизнь зарабатывать в поте лица... Вокруг ям рыскаю как проклятый, над каждой инфобабкой трясусь, а ты тут сидишь себе и в ус не дуешь. Знай только, время от времени, приказываешь бармену подлить новую порцию пойла.

Хоббин, конечно, оскорбился и стал возражать, доказы-

вать, что он-то и есть самое занятое на свете существо. А вот некоторые, шляющиеся, где попало, и делающие вид, будто они большие трудяги, на самом деле ими не являются. Попробовали бы они поймать крота, да еще...

Перепалка обещала быть интересной. Хоббин, если разойдется, способен на многое. Вот только мне вдруг стало не до нее. Я почувствовал, как у меня, где-то в области живота, проклюнулась резкая боль. Она мгновенно поднялась выше, еще выше, вспыхнула в мозгу словно последняя новогодняя петарда, и, наконец, исчезла. Как будто ее и не было вовсе.

Странно, очень странно. Это что такое? Может быть, побочное действие пошла, подаваемого в этой дыре? Может быть, кто-то из посетителей решил побаловаться приобретенным у кукарач подпольно изготовленным триммершутником? Может быть, отрицательное информационное поле выкинуло очередную штучку?

Как бы то ни было, но, вернувшись, я обязательно должен поинтересоваться у операторов, что это было. Здесь, в кибере, любое странное происшествие может закончиться большой бедой. Какой именно? Да любой. Я могу, например, вернувшись в собственное тело, обнаружить, что моя личность претерпела фатальные изменения. И вернуть ее в нормальное состояние уже невозможно.

Вот такие фокусы.

Машинально поежившись, я взял со стола пачку сигарет.

Вытащив одну, торопливо ее прикурил и пустил дым к потолку. Честно говоря, сигареты были сделаны плохо. Явно контрабанда из какого-то китайского кибера. Нет, дым от них шел и вкус был не очень противный, но огонек горел слишком ярко. Временами он даже как-то странно мигал, и сыпал крохотными разноцветными искорками, словно бенгальский огонь.

Тут Ноббин хлопнул по столу уродливой клешней и гаркнул:

– Тихо! Что касательно этого негодника – крота, то я знаю его лучше кого бы то ни было. Так вот, что бы он ни говорил, что бы ни предлагал, все это не более чем хитрость, попытка оставить нас с носом. Понятно?

Я почувствовал, что мне уже надоели разговоры про крота, и хотел было поговорить о чем-то другом, но вдруг замер, ощутив на себе взгляд Сплетника. Слегка повернув голову, я увидел, что взгляд сидит у меня на плече и как ни в чем не бывало умывает мордочку.

– Кыш отсюда, – сказал ему я.

Взгляд нагло ухмыльнулся и, соскочив на пол, кинулся к Сплетнику. Ловко взобравшись на стойку, он доложил о чем-то на ухо своему хозяину. Тот отхлебнул глоток из высокого бокала, наполненного до половины сверкавшим и переливавшимся, словно жидкий огонь, напитком и деловито подул на ладонь левой руки. Появившийся на ней вслед за этим заинтересованный взгляд Сплетник бросил в мою сторону и

снова занялся напитком. Для того чтобы заинтересованный взгляд нельзя было спутать ни с каким другим, на животе у него светилась надпись крупными буквами: «Я очень, очень вами интересуюсь».

Большой радости это мне не принесло, хотя бы потому, что я несколько раз слышал, будто новости, приносимые сплетником, в девяти случаях из десяти оказывались неприятными. Впрочем, у меня еще теплилась надежда, что все обойдется. Все-таки один шанс из десяти. Мне случалось играть и при гораздо меньшей вероятности на удачу.

Заинтересованный взгляд легко вспрыгнул на стол и ласково спросил у меня:

– Ну что, начнем?

Я вдруг осознал, что мой столик стал центром всеобщего внимания. Хоббин, Ноббин и гномик как по команде замолчали и уставились на заинтересованный взгляд. Остальные посетители таверны последовали их примеру. Один бармен, сохраняя полную невозмутимость, снова занялся изучением плававших под потолком рыбок. Однако я заметил, как он быстро что-то нажал под стойкой. После этого из-под потолка прилетел большой, отливающий серебром жук и пристроился над головой Хоббина. Можно было не сомневаться, что бармен не упустит ни одного слова из предстоящего разговора.

Разговора? Точно, мне задали вопрос и на него нужно ответить.

– Хорошо, – я пожал плечами. – Начнем. А кстати, что именно?

– Разговор.

– Послушай, – проникновенно сказал я. – А твой хозяин что, сам со мной общаться не желает? Брезгует, стало быть?

Гномик придвинулся ко мне поближе и, тихо толкнув меня локтем в бок, прошептал:

– Ты что, совсем ничего не понимаешь? Не положено ему этого делать. Не может он передавать очень важные сведения сам. Должен это делать посредством взглядов. Дошло?

– Конечно, дошло, – пробормотал я и посмотрел в сторону Сплетника.

Тот слегка кивнул и вяло помахал рукой, вроде бы подтверждая сказанное гномиком. Хотя не исключено, что он кивнул каким-то своим мыслям, а руку разминал, поскольку она устала держать бокал на весу.

– И о чем ты хочешь со мной поговорить? – спросил я у заинтересованного взгляда.

– О сделке. Мой хозяин намерен продать кое-какие сведения. Важные. Тебе. Очень, очень необходимые. Тоже тебе. За деньги, по сути, за ничтожную сумму. Ему.

– Ага, значит, деньги ему, а сведения мне?

Я глубокомысленно покачал головой.

– Верно, – заинтересованный взгляд ухмыльнулся и, плюхнувшись на задницу, почесал лапкой за ухом, – Так и есть. Но только заплатить ты должен сначала.

– Сколько?

– Двести инфобабок.

– Ого, не много ли?

– Нет, не много. Информация Сплетника таких денег стоит. И ты в этом убедишься. Конечно, после того как заплатишь.

– А если окажется, что его информация не стоит такой суммы? – поинтересовался я.

– Не окажется, – заверил заинтересованный взгляд. – Если ты считаешь, что тебя надули, деньги будут возвращены. Сплетник это обещает. Причем при свидетелях.

– Хватит валять дурака, – сказал Хоббин. – Соглашайся. Сплетник и в самом деле никого еще ни разу не обманул.

– Между прочим, – промолвил я. – Лично я – тоже. Почему я должен верить тому, кто не испытывает ко мне ни малейшего доверия?

– Однако таковы наши правила, – заявил заинтересованный взгляд. – И менять их мы не собираемся.

Сплетник кашлянул.

Взгляд немедленно соскочил со стола и кинулся к своему хозяину. Пошептавшись с ним, он вернулся и заявил:

– Хотя, для особо перспективных клиентов, мы делаем исключения. Как, например, сейчас. Для тебя.

Я почувствовал разочарование.

Здесь, в кибере, как и на восточном базаре, при заключении сделки надо хорошенько поторговаться. Иначе можешь

потерять уважение. Впрочем, от торговли отказался не я, а Сплетник. Значит, он и будет расхлебывать последствия своего необдуманного поступка.

Мне же ничего не оставалось как только сказать:

– Хорошо, я согласен. Давай свою новость.

– Значит, по рукам?

– Да, конечно. Выкладывай товар.

Заинтересованный взгляд хихикнул и, весело взмахнув хвостом, сказал:

– Только что у тебя украли тело.

– Что?

– Похитили тело, говорю я тебе. Качественно, профессионально. Похитители даже залезли в основной банк информации и стерли там все упоминания о тебе. Смекаешь?

Еще бы! Я смекал. Если только посредник Сплетника не врал, то в данный момент меня не существовало. Не было – и все. В мгновение ока кто-то неведомый отобрал у меня тело, записанное в основном банке данных прошлое, и превратил меня в бесправную бродячую программу.

Да нет, не может этого быть!

– Ты меня обманываешь, – заявил я.

– Мой хозяин никогда не врет.

Сказав это, заинтересованный взгляд устремился к Сплетнику, вспрыгнул на его ладонь и исчез. Жук бармена поднялся к потолку и тоже растворился. Зеваки, сидевшие за соседними столиками, стали вполголоса обсуждать постиг-

шее меня несчастье. Хоббин, Ноббин, а также гномик переглядывались и издавали какие-то нечленораздельные звуки.

Я уже хотел было впасть в тягостные раздумья, поскольку оказался в таком положении, в каком не был до этого ни разу, но тут Ноббин хлопнул меня по плечу, и возвестил:

– Похоже, нашего полку прибыло.

Хоббин мрачно спросил:

– Тебя это радует?

Ноббин выбил ногами под столом короткую дробь и признался:

– По правде сказать – не особенно. Но ведь Ессутил-то в этом не виноват? Просто, так получилось, так было угодно судьбе.

– А я считаю, что как раз он в случившемся и виноват. Небось, сдавая тело на хранение, решил сэкономить, и заявился в кибер через вход какой-нибудь паршивой фирмы. Вот и сэкономил. А лично мы лишились посетителя, с которым было приятно общаться, и за денежки которого было еще приятнее выпить.

– Это точно, – вздохнул Ноббин. – Лишились. Причем довольно забавным образом.

– И, кроме того, возможно, приобрели конкурента.

Ноббин пару раз стукнул ногами об пол и решительно сказал:

– Вот что, Ессутил, человек ты хороший и поверь, мы искренне тебе сочувствуем... но учти, «Кровавая Мэри» – на-

ша вотчина и браконьеров мы тут не потеряем.

Как раз в этот момент гномик решил удалиться. Пророботавав скороговоркой о том, что у него вдруг обнаружилось одно очень неотложное дело, он поспешно двинулся к выходу из таверны.

Я допил то, что оставалось у меня в стакане, и спросил:

– О чем это вы?

– О том, что ты теперь стал бродячей, незаконной программой. А стало быть, рано или поздно тебе может прийти в голову упасть на хвост одному из посетителей. Мы, конечно, не против. Но учти, «Кровавая Мэри» – наш участок и именно здесь делать это не стоит. Понимаешь?

Я ошарашено покрутил головой.

Ах, вот, стало быть, как?

– Только не надо обижаться, – сказал Хоббин. – Ты и в самом деле был милым человеком. И разговаривать с тобой было интересно. И инфобабки у тебя не переводились. Но теперь... твой статус изменился. Он резко упал. Как человек ты был хорош, но как бродячая программа пока не представляешь из себя ничего. У тебя нет навыков выживания. И неизвестно появятся ли они у тебя, поскольку большая часть бродячих программ гибнет в течение нескольких десятков часов после того, как теряют своих хозяев. Выживают такие, как мы. Достаточно жесткие и хитроумные, обладающие большой приспособляемостью. Нас мало и мы вынуждены рассматривать каждую новую бродячую программу в

первую очередь как конкурента.

– Вот теперь понял, – промолвил я. – Стало быть, эта таверна – ваша охотничья территория. А я стал вдруг протухшей добычей. Тухлятину вы, понятно дело, не едите и с презрением от нее отворачиваетесь.

– Ничего ты не понял, – сказал Ноббин. – Мы бы съели и тухлятину. Нам не привыкать. Но сейчас ты даже не тухлятина, ты – ноль, пустота. А пустоту есть нельзя. Кстати, если тебе так интересно, даже когда ты был человеком, мы не считали тебя тухлятиной. И рассматривали не только как источник инфобабок. Но сейчас...

Он многозначительно замолчал. Хоббин слегка улыбнулся. Улыбка у него была неприятной, а в больших, выпуклых глазах читалась неприкрытая угроза.

Я подумал, что самое время начинать драку. Врезать хорошенько Хоббину по носу, потом опрокинуть стол на Ноббина...

Вот только не хотелось мне этого делать. Поскольку они были кое в чем правы. В чем именно? Да хотя бы в том, что, отправляясь в кибер, я и в самом деле решил слегка сэкономить. Воспользовался услугами не очень надежной фирмы и даже отказался от проводника. Для посетителя ориентируюсь я кибере не так уж и плохо, а похищения тел случаются настолько редко, так что о них не стоит и думать.

Логично, а стало быть – правильно. По крайней мере, до недавнего времени мне так казалось. Сейчас, например, я

понимал, какой это было глупостью.

Будь сейчас рядом со мной проводник, доказать, что я совсем недавно существовал как полноценный человек, было бы гораздо легче.

Вот именно – доказать.

Я решил, что настало время попрощаться с двумя весельчаками Хоббином и Ноббином, а также с гостеприимной таверной «Кровавая Мэри» и отправиться на поиски собственного тела.

– Ладно, все понятно – сказал я Хоббину и Ноббину. – А посему, мне пора.

– Вали кулем, – сказал Хоббин. – Можешь вернуться, как только твои дела поправятся.

Вставая из-за стола, я хмыкнул.

Ну, просто сцена из бульварного романа. Самое время разрыдаться от умиления.

Устроившись возле стойки, я бросил бармену:

– Еще один стакан.

Тот отрицательно покачал головой.

– А деньги?

– Какие деньги?

– Инфобабки.

– Да заплачу я...

– Каким образом?

А в самом деле: каким? У меня теперь нет и гроша за душой. Я сейчас – никто, и зовут меня – никак. Был живой че-

ловек, стала бродячая программа.

Я уже хотел было отправиться восвояси, когда слышался тихий, чуть хрипловатый голос Сплетника:

– Налей ему. За мой счет.

Бармен пожал плечами и налил порцию пойла. Я забрал стакан и, повернувшись к только что обретенному благодетелю, спросил:

– Почему?

Тот задумчиво покачал головой и сказал:

– У меня есть на это свои причины.

– Какие? – поинтересовался я.

Все эти фокусы с дармовой выпивкой меня совсем не трогали. Я пытался понять, каким образом Сплетник узнал о том, что у меня украли тело. Кто мог ему об этом нашептывать на ушко? Уж не обокравшие ли меня негодяи?

– Э, нет, – словно угадав мои мысли, хихикнул Сплетник. – Ничего у тебя не получится. Я торгую информацией, а не теми источниками, из которых я ее получаю. Открывать их я не намерен, а надавить на меня у тебя сейчас кишка тонка. Впрочем, сомневаюсь, что тебе это удастся вообще когда-нибудь. Учти, ты не первый кому пришло в голову тем или иным способом попытаться определить мои источники информации. Можешь опросить весь кибер и узнаешь, что того, кому это удалось, не было. А особо настырные так вообще огребли столько неприятностей, что до сих пор от них опомниться не могут.

Он отхлебнул из своего стакана, и громко хлопнув им о стойку, сказал бармену:

– Давай, плесни еще.

Бармен с готовностью исполнил его приказание.

Задерживаться, конечно, в таверне больше не стоило. Однако был еще один вопрос, ответ на который я хотел услышать.

– Хорошо, – сказал я. – Если ты торгуешь информацией, то ответь, почему лично мне ты ее выдал бесплатно?

Сплетник хмыкнул.

– А с чего ты решил, что она досталась тебе бесплатно? Ты мне должен двести инфобабок и долг свой отдашь, никуда не денешься.

– Каким образом? Ты прекрасно знаешь, что сейчас у меня нет ни гроша.

– Это сейчас. А я уверен, что ты не только выживешь, но и накрутишь похитителям своего тела хвосты. Не так ли? Именно это ты и собираешься сделать?

– Тут ты прав, – сказал я.

– Ну, так в чем же дело? Вернув тело, ты вернешь и свои деньги. Поэтому – вперед! Допивай пойло и отправляйся на встречу опасности.

Сказав это, он повернулся ко мне боком, снял с плеча взгляд и кинул его на пол. Взгляд бросился к дальнему столу, за которым сидело несколько кукарач, сосавших дешевое пиво и что-то оживленно обсуждавших.

Кукарачи частенько бывали в других кибах, а стало быть, вполне могли заинтересовать Сплетника. Что ж, он делал свое дело. А вот некоторые...

Я опорожнил стакан и направился к выходу из таверны. Пора было и в самом деле попытаться вернуть собственное тело.

Дверь таверны с очень неприятным скрипом закрылась за моей спиной. Ручкой двери служила львиная морда с огромным, бронзовым кольцом в носу. Когда я двинулся прочь, львиная морда прорычала мне вслед:

– Спасибо за посещение. Обязательно заходите еще.

– Пренебреженно, – пробормотал я.

Отойдя от таверны на несколько шагов, я вытащил из кармана пачку сигарет и, закулив одну, пошел дальше.

День был чудесный. Кто-то из отвечающих за погоду технарей, видимо, раздобыл свежие матрицы, и медленно дрейфующие по небу облака были окрашены в немыслимо чистые, необыкновенно насыщенные светом цвета. Солнце из шарообразного, такого, каким оно было на прошлой неделе, теперь превратилось в полыхающий огнем квадрат, более смахивающий на открытую дверцу паровозной топки. Вокруг солнца кружилась здоровенная белка, с большими, вытаращенными глазами и огромным пушистым хвостом. Конец широкой, повязанной вокруг ее живота ленты трепыхался в воздухе словно вымпел. Хорошенько приглядевшись, на нем можно было разобрать надпись: «Скажем решительное

нет нашествию пернатых на страну вечного холода!».

Прочитав надпись, я подумал, что она, для технарей конечно, должна иметь какой-то свой, скрытый смысл. Правда, мне, поскольку я не был одним из них, он оставался совершенно непонятен. Хотя не исключено, что пожив в кибере подольше...

Ну да, вот уже минут двадцать, как я стал коренным обитателем кибера. Конечно, не по своей воле, но сути дела это не меняет. Стал. Превратился в бродячую программу. Перестал быть человеком. Теперь мое существование ограничено пространством кибера под номером 12. Надолго, практически навсегда. Если, конечно, мне не удастся вернуть свое тело, если я, убедившись, что это невозможно, сдамся, подниму лапки вверх.

Впрочем, сдаваться еще рано. Пока есть хоть малейший шанс найти похитителей, его нужно использовать.

Прежде чем свернуть на другую улицу, я швырнул окурок на мостовую. По идее, едва ее коснувшись, тот должен был бесследно исчезнуть.

Как же, держи карман шире!

Упав на мостовую, окурок зашипел, словно масло на раскаленной сковородке, и расплылся сильно смахивающим на чернильное фиолетовым пятном.

Ах да, я же совсем забыл, что сигареты сделаны в одном из китайских киберов.

Совершенно машинально я попытался стереть пятно нос-

ком ботинка и добился лишь того, что он окрасился в сочный фиолетовый цвет.

Чертовы азиаты!

Оглядевшись, я увидел уже спешащего к пятну дворника и облегченно вздохнул.

Слава богу, в этом кибере дворники работают исправно. А стало быть, я с чистой совестью могу отправляться дальше. Уж наверняка с пятнами от китайских сигарет дворники знакомы великолепно и уничтожать их научились.

Я дошел до конца улицы, свернул на соседнюю, едва не столкнулся с невысоким, совсем еще молоденьким кукарачей, и вдруг остановился, увидев мусорщиков.

2.

Выглядели они не очень впечатляюще. Три металлических, размером с человеческую голову, опоясанных красными полосками шара. Конечно, тот, кто их создавал, мог придать стражам порядка облик хоть огнедышащих драконов. Да только зачем? Пугать посетителей? Кому это нужно? Мусорщики должны следить за порядком и выглядеть вполне безобидно. До поры, до времени. Вообще, мусорщики появляются в этом кибере нередко, но, для того чтобы они нагрянули аж втроем, необходимо совершенно невероятное стечение обстоятельств. Или что-то другое. Сразу трех мусорщиков могли послать, например, для того, чтобы уничтожить одну, очень мешающую кому-то, программу.

Какую именно?

Посмотрев на то, как мусорщики разворачиваются, чтобы взять меня в полукольцо, я понял, что ответ на этот вопрос я знаю.

Да меня, кого же еще.

– Предлагаю вам добровольно сдаться! – прогудел один из мусорщиков. – Гарантирую, что с вами обойдется гуманно, и после небольшой коррекции вы получите возможность приносить общественную пользу.

Как же, знаем мы эту коррекцию и эту пользу!

Я быстро огляделся. Надо было срочно уносить ноги. Вот

только – куда? И как? В какую не кинься, мусорщики обязательно догонят.

– Если у вас есть оружие, вы должны его немедленно сдать! – возвестил мусорщик. – Несдача оружия будет расцениваться как сопротивление властям и нарушение общественного порядка.

Пока я пытался прикинуть, что же мне делать, мусорщики перестроились. Теперь я оказался в центре правильного треугольника, в каждом из углов которого находилось по стражу порядка. Они явно тянули время, ждали, когда я попытаюсь смыться. Вот тогда, в соответствии с буквой закона, они будут иметь полное право меня прихлопнуть. И, конечно, им воспользуются. Иначе зачем бы их по мою душу послали?

Уворовавший мое тело совсем не заинтересован в том, чтобы я попал в руки властей. Поэтому не исключено, что мусорщикам дана инструкция прихлопнуть меня, даже если я не буду оказывать сопротивления. Но только не здесь, посреди улицы, на глазах у свидетелей, а немного погодя, когда я окажусь в базе данных одного из них. Вот тогда-то, вместо того чтобы переправить дальше, в базу общественного порядка, они меня и сотрут, уничтожат. Конечно, сделать это непросто, но гораздо легче, чем потом выковыривать из многочисленных уголков базы общественного порядка все до единого упоминания о моей скромной особе.

Я увидел, как неподалеку, из переулка, вышли три посетителя и проводник. Увидев меня и мусорщиков, они оста-

новились. Это было уже что-то. Посетители, конечно – не в счет. А вот проводник наверняка это происшествие запомнит, и может быть, даже попытается узнать, что за бродячую программу брали аж целых три мусорщика. Это его хлеб – знать обо всем необычном, происходящем в кибере. Ну и удивится же он, обнаружив, что никаких упоминаний обо мне в базе данных общественного порядка нет.

Вот только мне лично это уже не поможет.

– Если вы немедленно не сообщите о готовности сдать, мы имеем право вас уничтожить! – возвестил мусорщик.

А ведь и в самом деле уничтожат! Кстати, мизерный, почти нереальный шанс на то, что мусорщики оказались здесь случайно, все-таки существует. Кроме того – может быть, присутствие проводника...

– Ваше время вышло. Поскольку вы не намерены сдаваться, мы вынуждены вас...

– Сдаюсь, – сказал я. – Ваша взяла. Согласен подчиниться закону. Немедленно. При свидетелях.

Быстро взглянув в сторону проводника и посетителей, я убедился, что они все еще наблюдают за сценкой поимки бродячей программы стражами порядка.

Ну, вот и славно. Я должен это использовать.

– Бродячая программа, как только один из нас откроет приемник, ты должна безропотно проследовать в него. Остальное сделаем мы в соответствии с правилами поимки бродячих программ.

Мусорщик, к которому я стоял лицом, выпустил из своего тела шнур. Кончик шнура расширился и превратился в воронку приемника. Теперь мне оставалось сделать несколько шагов, прыгнуть в воронку, и после этого моя дальнейшая судьба будет зависеть лишь от мусорщиков. Если их послал тот, кто украл мое тело, эта воронка станет последним, что я увижу в жизни.

Я шагнул вперед и заглянул в приемник.

Темнота. Чернильная, без единого светлого пятнышка. Хотя... Стоп, там что-то есть... Крошечное, едва заметное пятнышко. Что это? Ах да, клеймо изготовителя. Можно даже разобрать крохотные буквы.

«Лоботом. 154\873»

А ведь приемничек-то довольно старый. Давно вышедший из употребления. По крайней мере, уж кто-кто, а мусорщики должны использовать более совершенное оборудование.

Они и используют. А эта развеселая тройца – самые настоящие шаромыжники. Три старые программы мусорщиков, которые укравшие мое тело негодяи где-то раздобыли и послали меня убрать.

– Бродячая программа, даем вам последнее предупреждение. Следующего не будет. Сразу приступаем к уничтожению.

Я ухмыльнулся, лелея надежду, что моя усмешка выглядит достаточно зловеще.

Итак, мусорщики старого образца. Очень хорошо! Просто

превосходно! Есть у них одна маленькая особенность, о которой знает не каждый. Я, например, знаю. Чисто случайно. Благодаря одному приятелю, хорошему специалисту по обслуживанию киберов, там, в большом мире. Как-то он мне про эту особенность и рассказал. А я запомнил.

Теперь это случайное и на первый взгляд совершенно ненужное знание должно меня спасти. Вот так-то! Ненужных знаний не бывает. Любое рано или поздно может пригодиться.

– Поскольку вы, бродячая программа, так и не намерены подчиняться нашим требованиям, мы приступаем...

Я поспешно крикнул:

– Шла собака по роялю!

Сработало!

Мусорщики отключились.

Я вышел из образованного ими треугольника, сделал пару шагов и все-таки не удержался, обернулся.

Да, все верно. Преследовать меня стражи порядка не собирались. Им вообще ни до чего не было дела. Три стального цвета шара, совершенно бесполезные и ко всему безучастные.

Вот и отлично.

Я глянул в сторону свидетелей. Посетители, понятное дело, так ничего и не поняли. Стояли с тупыми лицами и вполголоса о чем-то переговаривались. А вот проводник...

Ну, он-то что к чему понял махом.

Не успел я двинуться прочь от места встречи со стражами порядка, как он в два прыжка догнал меня и спросил:

– Мужик, это что, отладочный код?

– Нет, – с достоинством сказал я – любимое ругательство моей бабушки. На мусорщиков действует безотказно.

– Где раздобыл код?

Я вздохнул.

Может быть, сейчас имеет смысл рассказать ему все? О том, что какой-то негодяй, а если точнее – какие-то негодяи, похитили мое тело. О том, что лично мне сейчас позарез нужно сообщить об этом в полицию, там, в большом мире, причем чем скорее, тем лучше. Вот только толку от этого не будет. Уж кто-кто, а проводники прекрасно знают, на какие хитрости способны бродячие программы, чтобы получить официальный статус. И в мою историю он попросту не поверит.

– Не тяни время. Не видишь, меня клиенты ждут.

– А если я тебе скажу, что узнал код в большом мире?

– Так я тебе и поверил. Не темни, скажи, где раздобыл код. Потом, управившись с клиентами, поставлю выпивку.

Да, бесполезно. Ни за что не поверит.

– Вот что, – сказал я. – Зачем тебе отладочный код мусорщиков старой модели? Что ты с ним будешь делать?

– А... – проводник разочарованно покачал головой. – Что же ты мне сразу не сказал?

Я схватил его за рукав куртки. На ощупь он ничем не от-

личался от настоящего материала, там, в большом мире. Ну да, все-таки проводник, не кто-нибудь...

– Слушай, парень, у меня только что похитили тело. А до этого я был таким же человеком, как ты. Ну, подумай, посмотри на меня хорошенько... Разве бывают такие программы?

Проводник криво ухмыльнулся.

– Еще и не такие бывают.

– Ну, хочешь, я тебя обругаю, так как никакая программа не сможет, в три наката с переборами? Хочешь, расскажу, во всех подробностях, как пройти от центра Нью-сибирска до памятника старым заблуждениям? Хочешь, поведаю, как в десятом классе соблазнил учительницу литературы, совсем молоденькую девчонку, только что после института?

Проводник вырвал руку и поспешно пошел к посетителям, бормоча под нос:

– Убивать этих кукарач надо. Развлекаются, понимаешь ли. Делают себе безумные программы и засоряют ими кибер. Ненормальные! Шагу потом ступить нельзя, чтобы не столкнуться с очередным творением юного гения.

– Стой! – крикнул я. – погоди! Я могу, понимаешь, могу доказать, что был человеком. Спроси что угодно. Хочешь, скажу, какого цвета крышка унитаза в моей квартире?!

Проводник даже не обернулся. Подскочив к посетителям, он что-то им быстро проговорил, и вся троица поспешно двинулась прочь.

Хоть бы оглянулись, что ли, сволочи!

Я сокрушенно покачал головой и пошел в другую сторону.

Ну вот, эксперимент поставлен. Результат отрицательный.

Нет, на чью либо помощь рассчитывать нечего. Я должен все сделать сам, справиться своими силами, и для начала, хотя бы узнать, кто польстился на мою телесную оболочку. А уж потом мне нужно каким-то образом ее вернуть.

Проще отправиться туда – не знаю куда, и найти то – не знаю что. Я заперт в этом кибере, и перебраться в другой попросту не смогу. Не говоря уже о том, чтобы попасть в управление мусорщиков. Нет, конечно, я могу сейчас, например, отправиться на поиски настоящих мусорщиков и сдать их им на законных основаниях. Могу. Вот только, где гарантия, что они перекинут меня в базу данных своего управления? Тот, кто послал за мной трех мусорщиков, уж наверняка усиленно за ней наблюдает. И конечно, сделает все, чтобы меня уничтожить.

Для того чтобы сообщить о похищении своего тела стражам порядка, я должен попасть в большой мир. Только там меня выслушают настоящие, живые люди. Там я знаю, что мне делать, и самое главное – как. Там я смогу сражаться в полную силу. В то время как здесь не более чем курорт, место отдыха. Здесь я всего лишь гость, а значит, очень уязвим, и причиной этой уязвимости является то, что я не знаю всех правил и законов существования в витуальном мире.

А должен был бы... Хотя, как я мог предугадать, что кто-

то польстится на мое тело? Что они в нем нашли? Обычное тело, обычного тридцатилетнего мужчины, с вполне стандартной профессией торговца недвижимостью.

И ведь угораздило же меня влипнуть в эту историю именно здесь, именно в этом кибере. Если бы что-то подобное произошло там, где живут сбежавшие в виртуальный мир от костлявой старухи богачи, добиться правды было бы легче. Здесь же мне придется туговато.

Нет, конечно, труппами кибер-12 назвать нельзя. Видел я киберы и похуже, такие, в которые без хорошо вооруженных и готовых на все сопровождающих нечего и показываться. Но все-таки... все-таки... Благоустроенным и приятным для жизни его мог назвать только сумасшедший.

Хотя, возможно, в том, что я оказался именно здесь, есть и светлые стороны. Например – в этом бедламе скрываться от преследователей легче, чем в одном из киберов для богатых. От преследователей? Ну конечно, от кого же еще? Наверняка мерзкий похититель тел кинул на мою поимку и уничтожение все что мог. В том числе и трех устаревших мусорщиков. Мне повезло, и я пока, наткнулся только на них. Вероятно, среди преследователей есть и настоящие профессионалы, от которых так легко, как от мусорщиков, не отделаешься.

Интересно, во сколько этот негодяй оценил мою голову? Уж наверняка в неплохую сумму.

Гм, мечта всех, за кого назначена награда – получить деньги за свою голову лично. Хотя... обычно их получает

кто-то другой.

Я остановился и огляделся.

Похоже, меня занесло к ямам... Ну да, это они самые и есть. Ямы. Место, в которое посетители обычно не заглядывают. Хотя, кто знает? Там, в большом мире, любители шляться по кладбищам встречаются не так редко, как всем кажется.

Не удержавшись, я все-таки подошел к одной и заглянул в нее. Яма как яма, большая, квадратная, наполовину наполненная полужидкими, серого цвета комками.

Конечно, большинство этих комков когда-то были обыкновенными неодушевленными программами, ничего особенного из себя не представляющими, однако наверняка свой последний приют здесь нашли и немало бродячих. Тех самых, к которым отныне принадлежу и я.

Машинально поежившись, я подумал, что мои преследователи в принципе могут и не особенно усердствовать. Им всего-навсего нужно установить контроль над всеми выходами из кибера, сделать так, чтобы я не смог из него ускользнуть.

Если им это удастся, то, вполне возможно, больше ничего и не потребуется. Я погибну сам, без чьей-либо помощи, попаду в яму, может быть, именно в эту самую.

Один из комков зашевелился, издал стонущий звук и вновь затих.

Я содрогнулся.

Вот оно, то самое... Полужизнь – полусмерть.

Интересно, что чувствуют попавшие в эту яму бродячие программы? Осознают ли они, что постепенно, неотвратно умирают? Ощущают ли они при этом боль? И как, как это происходит? Медленно угасание, полусмерть – полусон, или долгая, мучительная агония? А может быть, эта яма является для них всего лишь последней точкой в длинной полосе страданий?

Прежде чем попасть в нее, они наверняка прошли через невзгоды и лишения, в полной мере испытали отчаянье, узнали, каково ощущать собственный распад, неотвратимый, как визит рэкетиров к владельцу только что открытого шикарного магазина.

Я хмыкнул.

Распад, а вслед за ним гибель – эквивалент смерти в мире киберов. Того, кто не способен зарабатывать инфобабки, здесь ожидает только это. Распад, а вслед за ним яма.

Я припомнил объяснения одного знакомого кукарачи. То самое, про отрицательное информационное поле. Возникло оно из-за поступающей ежесекундно в кибер информации.

Информация и еще раз информация. Море разлитое информационное. Именно благодаря ей и существует кибер, а также те, кто в нем живет. Это кровь кибера, это его воздух, это самая его основа. Она везде, без нее не происходит ничего.

И конечно, часть информации теряется, выходит из-под

контроля. В результате образуется отрицательное информационное поле. От него невозможно избавиться, и оно, напоподобие кислоты, разъедает любые попавшие в кибер программы.

Не сразу. Постепенно. Очень медленно. Но неотвратимо. Для информации, проходящей через киберы и идущей дальше, в банки данных, поле не страшно, поскольку не успевает причинить им вред. Но вот для тех, кто находится в каком-то кибере постоянно, она опасна.

Если любой постоянный житель кибера не будет время от времени вводить в себя восстанавливающие программы, он погибнет. А восстанавливающие программы в обязательном порядке являются одной из составляющих еды и питья. Другими словами, если постоянный обитатель кибера не будет есть и пить – его песенка спета.

Он отбросит копыта от голода, точно так же как это случается там, в большом мире.

Единственное отличие состоит в том, что погибающий от голода здесь, в кибере, не будет худеть или пухнуть, падать в голодные обмороки или уноситься в страну галлюцинаций. Медленно, день за днем, час за часом, он будет распадаться. Сначала это коснется цвета, потом очертаний тела, потом наступит черед мышления, памяти, восприятия информации.

Если процесс заходит слишком далеко, остановить его невозможно. Программа теряет всякую форму, возможность воспринимать информацию, а стало быть, и питаться. Му-

сорщики стирать такие программы не решаются. Кто знает, во что она переродилась? Начнешь стирать, а там, глядишь, можешь и сам поплатиться. Самое простое и разумное решение – это кинуть погибающую программу вот в такую яму, чтобы она не мозолила глаза посетителям. Рано или поздно распад завершится окончательно. Или не завершится. Кто знает, может быть, рано или поздно из какой-нибудь ямы наподобие этой вылезет такой монстр...

Кстати, о монстрах. Не пора ли мне перестать терять попусту время? Пока меня не нашли наемники, которых похитители моего тела отправили докончить свое преступное дело, не настало ли время, в свою очередь, попытаться что-нибудь сделать?

Я наконец-то сумел оторвать глаза от ямы и быстро огляделся. Ну да, в Багдаде все спокойно. Пока спокойно.

Вытащив из кармана пачку сигарет, я закурил одну и поспешно зашагал прочь от ямы.

Мертвым – мертвое, живым – живое. Я пока еще существую, и тому, кто попытается отправить меня в небытие, придется здорово потрудиться. Уж я постараюсь, чтобы награда за мою голову досталась максимально тяжело. Или совсем не досталась.

А пока надо попасть к воротам, через которые я вошел в кибер. Причем сделать это надо предельно осторожно, так, чтобы не нарваться на преследователей. Там, в большом мире, если мне, конечно, удастся в него вернуться, найдется па-

ра-тройка друзей, способных мне помочь.

А что случится, если мне это не удастся? Может ли кто-нибудь из моих друзей догадаться, что я попал в беду, и отправиться на поиски моей скромной особы, да не куда-нибудь, а именно сюда, в кибер? Другими словами – могу ли я получить помощь от друзей, снаружи, из большого мира?

Я прикинул так и эдак и пришел к выводу, что надеяться на это нечего. Нет, конечно, дело совсем не в друзьях. Тот же Лукиан на это вполне способен. А также Доктор. Наверняка, он уже обеспокоился, куда это я запропал.

Беда в том, что в кибере они искать меня не будут. А если и сунутся в него, то очень нескоро. Тогда, когда станет совершенно ясно, что со мной стряслась какая-то беда. Пока же, они начнут с того, что обзвонят всех знакомых. Потом им в голову придет, что у меня очередное любовное приключение, и они попытаются вычислить ту, которая так завладела моим вниманием, что я даже напрочь забыл о друзьях. Безусловно, это им не удастся. Тогда они выждут еще немного и лишь потом сообразят, что я влип в серьезную передрыгу. К этому времени меня либо убьют, либо же я погибну от голода.

Я зло швырнул окурок на мостовую.

Нет, рассчитывать на помощь извне не имеет смысла. И ведь как хорошо похититель моего тела все рассчитал! Может быть даже, он сейчас преспокойно треплется о разных пустяках с Доктором. А тот и не подозревает, что рядом с

ним сию не я, а чужак в моем теле.

Хотя... нет, неправильно. Уж кто-то, а Доктор или Лукиан подмену заметят. Этот номер у похитителя не пройдет. Стало быть, мое грешное тело сейчас либо пустили на запчасти, либо используют, так сказать, целиком. Рассмотрим первый вариант: его пустили на запчасти. Может ли такое быть? Вполне. Однако подобное похищение стоит недешево. Мог ли кто-то впалить такие большие деньги всего лишь для того, чтобы раздобыть несколько органов для пересадки?

Вряд ли. Просто купить их на черном рынке трансплантатов значительно проще и дешевле. Те, кто переселяется в один из киберов, частенько отдают относительно неплохо сохранившиеся части своих тел совершенно по дешевке. Лишь бы только набралась сумма, необходимая для обретения компьютерного бессмертия. Таким образом, тому, кто покусился на мое тело, оно было нужно все, целиком. Может быть, сейчас там, в большом мире, бродит человек, которого все принимают за меня, и творит очень, очень нехорошие дела.

Последняя мысль мне не понравилась. Очень.

Я остановился и полез в карман за новой сигаретой, но тут же передумал.

Нет, сигареты стоит побережь. Если мне не удастся вернуться в большой мир в ближайшее время, они помогут мне продержаться. Конечно, в китайских сигаретах не такие уж сильные стабилизирующие программы. Но все-таки... все-

таки...

И вообще, не пора ли мне прибавить ходу? Судя по всему, чем скорее я попаду в большой мир, тем вероятнее избежну весьма крупных неприятностей.

3.

Шагах в десяти от ворот я остановился.

Вообще-то, на ворота они ничуть не походили. Небольшой, в старонемецком стиле домик. Остроконечная крыша. Узкие, ведущие родство от бойниц окна. Дверь, якобы дубовая, украшенная крестом из кованых, железных полос.

Ворота.

Будь все нормально, то войдя в эту дверь, уже минуты через три я бы соединился со своим, пока еще пребывающим в бессознательном состоянии, согласно закону «о недопустимости дублирования личности», телом. Вот только в этот раз ни о чем нормальном не могло быть и речи.

Там, по другую сторону ворот, моего тела не было. Интересно, зачем тогда я сюда приперся? Полюбоваться на этот милый домик и отправиться обратно, к ямам? Может быть, стоит самому в одну из них прыгнуть, чтобы не утруждать мусорщиков?

Дудки, не дождутся.

Я привалился спиной к стоявшей посреди дороги, явно никому не принадлежащей машине. Судя по всему, хозяин бросил ее никак не меньше недели назад. Об этом свидетельствовали крыша и бока машины. Под воздействием отрицательного информационного поля они почти утратили свой цвет, стали серыми, словно припорошенными мукой.

Итак, передо мной ворота, через которые я попал в этот мир. Я могу в них войти и попытаться предъявить претензии представителю отвечающей за эти ворота компании.

Что дальше?

Да ничего особенного. Скорее всего, мне сообщат, что где-то произошла серьезная накладка. Фирма передо мной жутко извиняется и обещает в самый кратчайший срок все уладить. А пока, не соглашусь ли я вернуться в предоставленное фирмой искусственное тело? Конечно, самое лучшее, почти не отличающееся от естественного, человеческого?

После этого я, только и мечтающий попасть в большой мир, должен согласиться. Мне, с бездной самых разнообразных извинений, предложат пройти в приемник. Я, конечно, пройду. А представителю компании останется только отдать одну-единственную команду на стирание, и больше никто, никогда, ни в каком виде меня не увидит. Сто против одного, что именно так все и будет.

Из ближайшего чайного домика вышло два посетителя. Слегка покачиваясь, они пошли в мою сторону.

Я рассеянно взглянул на них. Ну, посетители... Веселятся, поскольку не представляют, что такое настоящие неприятности. Окажись они на моем месте, так узнали бы, где раки зимуют.

Вот посетители поравнялась со мной, и один из них сказал:

– Смотри, кажется, бродячая программа. Вот забавно-то.

– Да нет, – с апломбом возразил ему приятель. – Ничего забавного в них нет. Обычные программы, устаревшие и поэтому ни на что не годные. Отбросы.

Они остановились и, продолжая спорить, стали рассматривать мою скромную персону, как будто она была бог весть какой редкостью.

– Не скажи. Учти, в этом мире тоже действует закон естественного отбора. А он гласит, что выживают сильнейшие. Будь бродячие программы действительно никуда не годными отбросами, мусорщикам ничего не стоило бы их переловить. Закон естественного отбора – великая штука.

– Согласен. Только ты не учел, что те же самые бродячие программы не могут развиваться. При чем тут естественный отбор?

– Очень даже при чем. И они могут, могут развиваться. Хочешь знать как?

– Ну, скажи, если такой умный.

– А вот мы сейчас опросим сам предмет спора. И ты услышишь, что он нам ответит.

– Хорошо, пусть будет так. Только, ему, наверное, надо будет заплатить.

– Чепуха. Думаю, десятка инфобабок хватит.

Я насторожился и посмотрел на них повнимательнее.

Судя по всему, деньги у них и в самом деле имелись. Личины были сделаны очень даже неплохо, тщательно, мимика, самый лучший показатель качества изготовления, почти

ничем не отличалась от настоящей. Согласно этим личинам, передо мной стояло два типичных представителя племени конторских служащих. Обоим им было лет по тридцать пять – сорок. Один блондин, с лицом на котором, казалось, на всю жизнь застыло выражение более свойственное щенку месячного возраста, совершенно уверенному, что весь окружающий мир создан лишь для того чтобы любить его и баловать. Единственное, чем второй отличался от первого, это цветом волос. Он был брюнет.

Таким образом, если только личины посетителей не были сделаны нелегальным образом, в обход закона «о соответствии внешнего облика посетителей киберов» передо мной стояли, с точки зрения любой бродячей программы, два очень лакомых кусочка. Те же Хоббин и Ноббин уж наверняка постарались бы раскрутить их на сумму большую, чем десяток инфобабок. Кстати, кто мешает сделать это мне? Чего-чего, а денег мне сейчас не хватает просто катастрофически.

– Чем могу служить... э-э-э, господа?

Я постарался, чтобы мой голос звучал грубовато, и слегка надменно. Если клиенты хотят экзотики, они ее получат. Блондин бросил на брюнета озадаченный взгляд. Тот не стал ходить вокруг да около и сразу спросил:

– А вот скажи, милейший, ты и в самом деле бродячая программа?

Теперь, по сценарию, прежде чем ответить, мне положено

было оглядеться и бросить на посетителей подозрительный взгляд. Так я и сделал. Причем это подействовало. Посетители тоже поспешно оглянулись, и видимо, не обнаружив ничего опасного, все-таки придвинулись ко мне поближе.

– Как вы угадали? – сделав таинственную мину, вполголоса спросил я.

– Совершенно случайно, – пролепетал блондин. – Уверю вас, совершенно случайно.

– Вижу, вы люди бывалые, – сказал я. – Стало быть, объяснять, чем мне грозит разговор с вами, не стоит.

– Конечно, конечно, – хором заверили меня посетители.

По-моему, они уже полностью протрезвели и теперь здорово жалели, что завели разговор о бродячих программах. Прикинув, что они уже созрели для облегчения карманов, я с наглым видом заявил:

– Для начала по десять инфобабок с каждого. Потом я буду полностью в вашем распоряжении.

Блондин послушно полез в карман, вытащил из него внушительную пачку инфобабок и, отделив от нее две бумажки, нерешительно протянул их мне.

Я мысленно чертыхнулся.

Эх, будь на моем месте Хоббин и Ноббин, уж они бы такого промаха не допустили. Цыплята оказались жирнее, чем я предполагал. Стоило запросить больше. Впрочем, что сделано, то сделано. Если я попытаюсь повысить расценки, посетители могут заподозрить, что им просто морочат голову.

– Хорошо, деньги получены, – торжественно сказал я. – Теперь вы можете задавать вопросы.

Брюнет нерешительно кашлянул и сказал:

– Мы тут с приятелем поспорили... Он говорит, что вы, бродячие программы, не можете самосовершенствоваться. Я же утверждаю, что такие возможности у вас есть.

К этому вопросу я был готов и поэтому без запинки отпартовал:

– Конечно, есть. Иначе в этом мире не выжить. На самом деле любая бродячая программа, для того чтобы повысить свою способность к выживанию, вынуждена время от времени прикупать разные прикладные программки. Ну, знаете, чтобы сделать свой облик более выразительным, чтобы повысить скорость мышления, увеличить память... и так далее. Большинство из нас уже настолько изменились, что от прежнего облика, в котором стали бродячими программами, сохранили только имя.

– Ага, значит, я был прав! – возвестил брюнет. – Все-таки, закон естественного отбора действует и тут.

Блондин сейчас же с жаром возразил:

– Не согласен. Какой же это, к черту, естественный отбор, если для того, чтобы выжить, не нужно ничему учиться? Достаточно лишь заплатить деньги и вот уже ты более совершенен.

– Но деньги-то, деньги! Их же надо еще заработать.

Продолжая спорить, они двинулись прочь.

Я посмотрел на две радужные бумажки, зажатые в кулаке. Будь тут Хоббин или Ноббин, они бы, сейчас дружно плюнули мне в лицо. Имея на это полное право. Посетители, нафаршированные наличными под самую завязку. Для чего они этим субчикам в мире, где почти любую услугу можно оплатить, просто переведя деньги с одного счета на другой?

Любую? Да нет, не любую. Есть кое-какие услуги, кое-какие удовольствия, требующие оплаты наличными. Какие именно? Да незаконные, конечно. Почему? Ну, потому, что наличные приносят массу неудобств. Единственная выгода, которую они дают, это – анонимность.

Эх, будь на моем месте Хоббин или Ноббин, уж они бы этой парочке устроили такую экскурсию по местным притокам... Впрочем, мне лично заниматься этим некогда. У меня проблемы, требующие немедленного решения. И чем скорее я придумаю, как попасть в большой мир, тем лучше.

Сунув деньги в карман, я кинул оценивающий взгляд в сторону домика с остроконечной крышей.

Ворота, в которые нельзя войти, потому что дальше них тебя не пустят. Ворота, закрытые на очень прочный замок. Что делает человек, для которого пройти через эти ворота является вопросом жизни и смерти?

Ну да, он их взламывает. Чем? Безусловно, необходимым для этого инструментом. Где его достать – вот проблема.

Я вдруг понял, что думаю совсем не о том.

Любое дело надо делать с начала. Нельзя строить крышу

дома, не воздвигнув фундамент. Что в данном случае является фундаментом? Ну конечно, возможность себя защитить. Каким образом? Да только одним, древним как мир и таким же проверенным. С помощью оружия.

Да, с помощью оружия.

Я попытался прикинуть, где в кибере можно разжиться оружием.

Ну конечно, на черном рынке. Вот только, чтобы купить его, нужно несколько сотен инфобабок. А у меня сейчас всего лишь две десятки.

Стало быть, этот вариант отпадает. Остается еще один – отнять. У кого? Да у того, у кого оно есть всегда. А постоянно с оружием в кибере ходят только проводники.

Я еще раз посмотрел на ворота и вдруг увидел, как перечеркнутая железными полосами дверь открылась. Вышедший из нее проводник остановился и, вытащив из кармана сигарету, стал ее прикуривать.

Он был один, без клиентов. Видимо, решил заглянуть в кибер не для заработка, а по собственной надобности. Может, что-то прикупить. Во всяком случае, сейчас он не работал, а отдыхал. Поэтому должен был, обязан был расслабиться.

Я так и не заметил, как преодолел разделявшее нас расстояние. Мне показалось, что я покрыл его одним прыжком. На самом деле этого не могло быть, поскольку на десять шагов прыгнуть нельзя. Да и времени прошло слишком много.

Прежде чем я оказался рядом с проводником, тот успел прикурить сигарету, сунуть зажигалку в карман, и даже повернуться в мою сторону.

Больше, правда, он ничего сделать не успел, поскольку как раз в этот момент я его ударил по носу.

Причинить серьезный вред проводнику не так-то легко. Конечно, в соответствии с законом они не неуязвимы, однако, если их личины снабжены кое-какими незаконными защитными устройствами, мусорщики, как правило, смотрят на это сквозь пальцы.

Впрочем, оглушить проводника я и не надеялся. Мне нужно было всего лишь сбить его с ног.

Так и получилось.

Ударившись о дверь затылком, проводник откатнулся в мою сторону и тут же получил еще один удар в живот. Вспомнив армейские уроки Джи-квари, я сделал подсечку. Возможно, увидев, как я ее провел, наш ротный сенсей отпустил бы очень нелестное замечание, однако результат был достигнут. Проводник рухнул. Наклонившись, я выхватил из кобуры висевшей у него на ковбойский манер, на бедре, тяжелый, старинный кольт и сейчас же отпрыгнул в сторону.

Вовремя.

Развернувшись словно пружина, проводник попытался ударить меня ногами. И попал. В то место, где я был секунду назад.

– Не балуй, – сказал я, тыкая для убедительности в сторо-

ну противника стволом кольца. – Буду стрелять.

Конечно, я рисковал. То, что выглядело как оружие, вполне могло оказаться безобидной пукалкой. Оно могло быть чем угодно, но, видимо, все-таки являлось настоящим оружием.

По крайней мере, увидев, что его взяли на мушку, проводник замер и хрипло спросил:

– Что тебе, собственно, надо?

– Ничего особенного, – сказал я. – Сейчас ты встанешь и отойдешь в сторону, шагов на десять. На этом – все. Понял?

– Еще бы, – сказал проводник. – Только зачем тебе это надо? Что ты задумал?

– А вот это не твое дело. Давай, вставай. И учти, времени у меня мало. Для того чтобы его сэкономить, я могу тебя и продырявить.

– Ты что, дешевых вестернов насмотрелся?

– А ты думаешь, их смотрят только такие, как ты?

Сказав это, я прикинул, куда всажу проводнику первую пулю. Скорее всего, в ногу. Прежде чем проводник доберется до ворот, ему будет очень больно. Однако, по крайней мере, это будет не убийство. Конечно, при условии, что его кольт и в самом деле стреляет пулями.

– Ты понимаешь, что, убив меня, одновременно, подпишешь себе смертный приговор?

– Понимаю.

Я и в самом деле это понимал.

Здесь, в кибере, все происходит почти так же, как в большом мире. Конечно, есть и отличия, однако, убийство и в самом деле является настоящим убийством. Ворота, переносящие вас сюда, построены согласно все тому же «закону о недопустимости дублирования личности». Проще говоря, они обеспечивают что-то вроде переселения душ. Перенося вас в кибер, они считывают ваш разум полностью, до самых потаенных мыслей, до подсознательных желаний. При этом там, в большом мире, остается лишь тело, без малейших признаков сознания.

Если вдуматься, это очень мудрый закон.

Представьте, что будет, если построят ворота, действующие по другому принципу, в обход этого закона?

Да ничего хорошего.

Вполне может случиться так, что в то время, когда ваше сознание находится в кибере, в результате неких событий, ваше оставшееся в большом мире тело проснется. При этом возникнут две совершенно идентичные личности. Какая из них будет являться вами? Кто из них будет иметь права на ваше имущество, на ваши деньги, на вашу собственность? Оставшаяся в кибере? Или, может быть, существующая в реальном мире? А почему? Только потому, что она обладает телом?

Да, обладание телом – серьезный довод. Но не в суде. Уж там, шустрые адвокаты в два счета докажут, что оставшаяся в кибере личность имеет не меньше прав на ваше тело, чем

вы сами.

А что произойдет, если оставшаяся в кибере личность сумеет еще раз продублироваться? А потом, если понадобится, и еще раз? Так вот, чтобы этого не произошло, и был принят «закон о недопустимости дублирования личности». И все врата строят с таким расчетом, чтобы его не нарушить. Ни в коем случае. Конечно, у этого закона есть и плохие стороны. Если ваше сознание за время пребывания в кибере будет повреждено, таким оно и вернется в ваше тело. Если ваше сознание погибнет, то у вашего тела, там, в большом мире, остановят сердце, и оно умрет.

Смерть – есть смерть, где бы она не приключилась. Там, в большом мире, или здесь, в кибере.

– Ладно, – сказал проводник. – Я сделаю, как ты хочешь. Зачем тебе оружие?

– Чтобы остаться в живых, – сообщил я.

Он посмотрел на меня как на чокнутого, но все же медленно встал и отошел шагов на десять.

– Вот и прекрасно, – скомандовал я. – А теперь, повернись ко мне спиной и иди прочь. Медленно. Если обернешься – стреляю.

– Думаешь смыться?

– Конечно.

– Ты знаешь, что далеко тебе убежать не удастся?

– А вот это мы еще посмотрим, – сказал я.

– Псих, – пробормотал проводник.

Я подумал, что он, вероятно, прав, и снова ткнул в его сторону кольцом.

– Давай, топай.

Проводник покорно повернулся ко мне спиной и пошел прочь.

Медленно.

А я сделал несколько шагов назад, нырнул за угол ближайшего дома и припустил со всех ног. Улицы через две я остановился, сел на кстати подвернувшуюся скамейку и решил, что настало время закурить-таки сигарету.

Оружие я добыл. Что дальше?

Я уже успел выкурить почти полсигареты, как вдруг почувствовал, что на плече у меня кто-то сидит. И, конечно, это был взгляд Сплетника. Увидев, что я его заметил, взгляд тоненько заверещал и кинулся к хозяину.

Сам Сплетник стоял метрах в пяти от меня. Вид у него был совершенно флегматичный.

Я поинтересовался, какого черта ему от меня надо.

Сплетник едва заметно усмехнулся, подошел к скамейке, сел со мной рядом и сказал:

– Есть разговор.

– О чем? – спросил я.

– Почти ни о чем, – криво усмехнулся сплетник. – Просто, я хотел поинтересоваться, понимаешь ли ты, что заварил большую бучу?

– Бучу?

– Ну да, – Сплетник обнажил в усмешке желтые зубы. – Еще какую... Ты теперь не просто бродячая программа, ты преступник, умудрившийся поссорится с проводниками. Они не успокоятся, пока тебя не уничтожат. Да еще мусорщики... Все мусорщики, а не только те, кого подкупил похититель твоего тела.

– Прекрасно, – сказал я. – Буча так буча. Может быть, так даже лучше.

Сплетник довольно улыбнулся.

– Именно это я и хотел услышать. Давненько в нашем кибере не было большой бучи. По крайней мере, в ближайшее время о скуке можно забыть.

Я подумал, что нет худа без добра. Если к моей поимке подключатся не только мусорщики, но и проводники, кто-то из них обязательно задастся вопросом, откуда взялась эта самая преступная программа. И конечно, заглянет в архив. И узнает, что я появился ниоткуда, из пустоты. И обязательно поймет, что так не бывает. Чем черт не шутит, может быть, ему удастся даже узнать, что именно со мной произошло.

Во всяком случае, большой шум был не на руку похитителю моего тела. А стало быть, был на руку мне.

Я придвинулся поближе к Сплетнику, и сказал:

– Послушай, не можешь ли ты мне...

– Нет, не знаю, – не дав мне закончить, поспешно промолвил он. – Честное слово, понятия не имею, кто именно спер твое тело и зачем. Это тебе придется узнать самому.

Вполголоса выругавшись, я выкинул окурок, встал и, не попросившись со Сплетником, зашагал прочь. Чего-чего, а времени терять зря мне не стоило. Когда расстояние между мной и Сплетником увеличилось шагов на десять, мне в голову пришла еще одна мысль. Остановившись, я обернулся и спросил:

– А вообще, если ты не знаешь, кто похитил мое тело, то какого черта ходишь за мной буквально по пятам?

Сплетник пожал плечами.

– Просто, мне хотелось убедиться, что я все-таки получу с тебя свои деньги.

– Ну и как, убедился?

Сплетник задумчиво покачал головой.

– Кажется, я начинаю верить, что они и в самом деле не пропадут.

Я не удержался и, пожелав ему, чтобы он сдох, причем чем скорее, тем лучше, пошел прочь.

4.

Я подумал что экономия, конечно, штука хорошая. Вот только, вполне возможно, жить мне осталось совсем немного. А поэтому, к черту ее, к черту. Да здравствуют китайские сигареты!

Нашарив одну из них в кармане, я остановился, чтобы ее прикурить.

Прикурил. Затянулся. Выпустил дым. Почувствовал себя лучше. Машинально посмотрел на дом, возле которого остановился.

Да, домик был хорош. Небольшой, аккуратный, под черепичной крышей, и даже с каминной трубой. Судя по всему, хозяину он влетел в довольно приличную сумму. Черепица выглядела как настоящая, а в углу одного из окон была даже небольшая, изящная паутинка.

Очень дорогой домик. Очень дорогой.

Девицу, стоявшую прислонившись к его стене и с некоторым интересом разглядывавшую меня, кстати, дешевой тоже назвать было нельзя.

Может ли быть обычным посетителем существо женского пола, фигуру которого, кстати, довольно симпатичную, явно перенес в кибер один из профессиональных дизайнеров? Во сколько тысяч инфобабок ей обошелся такой естественный цвет волос? И сколько она потратила, чтобы здесь, в кибере,

щеголять нежнейшей персиковой кожей, а также демонстрировать всем и каждому юное лицо великолепно представляющей, что в этом мире почем, стервы?

Она улыбнулась.

Я ошарашено помотал головой.

Стервы? Да нет, мне это всего лишь показалось. Не может быть стервой девушка с такой улыбкой... симпатичная девушка, с такой улыбкой...

Я вдруг понял, что именно напоминала мне улыбка этой девушки. Примерно так же должна улыбаться акула, готовясь откусить ногу неосторожному купальщику.

...Симпатичная девушка?

Мне захотелось повернуться к ней спиной и задать стрелкача.

Поздно.

Я так и не понял, как это получилось, но уже через мгновение незнакомка стояла возле меня и цепко держала рукав моей куртки.

– Мужчинка, не желаете ли поговорить?

– О чем? – поинтересовался я.

Она хихикнула.

– На самые различные темы. Для начала вы должны ответить на несколько вопросов.

– Некогда мне заниматься глупостями, – буркнул я и двинулся прочь.

С любой другой представительницей прекрасного пола

подобный фокус уж наверняка бы прошел, но только не с этой.

Меня резко отшвырнуло назад. Покосившись на собственный рукав, я удовлетворенно кивнул.

Ну да, крючки-захваты. Кое в каких киберах они запрещены. Кое-где – нет. Я попытался вспомнить, распространяется ли запрет подробных крючков на тот кибер, в котором сейчас находился, и не смог этого сделать.

А какая, собственно, разница? Вот уж кого-кого, но меня законность крючков-захватов, сейчас волновать не должна. Меня должно интересовать их наличие. Хотя бы потому, что чаще всего подобными приспособлениями пользуются журналисты. Причем журналисты, как правило, работающие в желтых газетенках. Те, кто трудится на уважаемые издания, в них не нуждаются. Они получают все желаемое и без помощи этих штук. Хотя, бывают и исключения.

Впрочем, о чем это я? Передо мной репортер. Человек, необходимый мне сейчас буквально позарез.

Я посмотрел на крючки почти с иронией. Знала бы эта журналистка, насколько я в ней нуждаюсь.

– Ну, так как, ответишь на вопросы?

– С большим удовольствием, – сказал я. – И даже готов рассказать...

– Э, нет, так не пойдет, вопросы буду задавать я. А ты будешь на них отвечать.

Я быстро огляделся.

Так, кое-какое время у меня пока еще есть. К тому же, если я откажусь... У меня было ощущение, что в этом случае, моя собеседница меня запросто укусит.

– Итак, первый вопрос, – рявкнула она. – И ты должен на него немедленно ответить. С каких это веников, такой, как ты, сморчок подался в проводники? Подавленные комплексы? Необходимость обеспечить многочисленную семью? Бесчисленные книжки, в которых красочно описываются совершенно нереальные приключения болванов, претендующих на звание героев – проводников?

Я обречено вздохнул и ответил:

– Да ни с каких. Я вообще не проводник.

– Но-но, только не надо мне вкручивать. А оружие? Откуда у тебя тогда этот пистолет? Значит, ты проводник.

В самом деле, револьвер... Вот тут мне крыть нечем...

– Это оружие, – с достоинством сказал я. – Действительно отобрано у проводника.

Журналистка бросила на меня удивленный взгляд.

– У проводника? Значит ты, бродячая программа, настолько обнаглевшая, что напала на проводника и отобрала у него оружие? Так это же намного лучше!

– Хуже. Поскольку еще сегодня я не был бродячей программой, а существовал в виде обычного посетителя. Сегодня у меня украли тело.

– Враки незаконных программ меня не интересуют. Расскажи лучше, как ты осмелился напасть на проводника. Да

поживее. Если расскажешь всю правду, получишь десятку.

– Какую, к черту, десятку? Я тебе говорю, что пару часов назад...

– А мне на это совершенно плевать. Я хочу услышать о том, какие сексуальные фантазии бывают у незаконных программ. Как вы их реализуете, а? И что вам для этого надо? Что ты чувствуешь, глядя на это?

Она ткнула пальцем вниз.

Я машинально посмотрел в указанном ей направлении.

Да, ножки у нее были что надо! Красивые, округлые, соблазнительные.

– Так что вы о них думаете? Они вас соблазняют? Ну, отвечайте же...

Между прочим, девица не теряла время даром. Когда я вновь взглянул на нее, она уже вплотную придвинула к моей физиономии что-то вроде старинного микрофона и даже слегка приоткрыла прелестный ротик от нетерпения.

Ну, как же... Вот она, боевая стойка журналиста!

– Итак, при виде моих соблазнительных ножек вы почувствовали, как у вас активизировались те вспомогательные программы, которые вы, признайтесь в этом, используете не так часто, как вам бы хотелось?

– Слушайте, да говорю же я вам, что никаких дополнительных программ у меня нет. Совсем недавно я был обычным посетителем, у которого, заметьте, какие-то злоумышленники украли...

Договорить я не успел. Послышался выстрел.

Пуля ударила в зажим, которым репортер удерживала меня на месте, и, конечно, его перебила. Совершив это полезное дело, пуля улетела дальше. Куда именно, меня не интересовало. Может быть, секундой позже она проделала аккуратную дырочку в вывеске ближайшего магазинчика, может быть, даже засела в мягкой части тела некстати подвернувшегося посетителя. Повторяю, меня это совершенно не интересовало, поскольку все мое внимание было занято следующей пулей. Мне почему-то казалось, что она не будет так гуманна, как первая.

Резко оттолкнув от себя журналистку, я отпрыгнул в сторону.

И вовремя.

Вторая пуля, судя по оставляемой ей фиолетовой пунктирной траектории, пролетела как раз в том месте, где секунду назад была моя голова.

Рухнув на четвереньки, я довольно резво метнулся за угол ближайшего дома.

Черт, в этих киберках ничего не делается по-человечески. Надо быть полным дураком, чтобы снабдить пули пунктирной линией, указывающей траекторию их полета. По этой линии определить, где находится стрелявший – проще пареной репы.

Хотя... может быть, его там уже нет? Да и потом, я-то откуда знаю, какими прибабасами снабжено мое собственное

оружие? Кстати, вот и случай его опробовать.

Я выглянул из угла.

Стрелявшего, конечно, не было видно. Хотя, судя по все той же пунктирной линии, он должен быть дома через два от меня. Наверняка прячется за стоявшей возле него скамейкой. Прячется?

За скамейкой кто-то шевельнулся.

Ага, вот сейчас...

Я наставил на скамейку кольт и нажал курок.

О-ля-ля! Вот это да! Понятно, почему проводник, у которого я отобрал это оружие, так его боялся.

Грохнуло так, словно я выстрелил из атомной пушки. Скамейка мгновенно превратилась в жаркий костер. Огонь, правда, был не совсем естественный. Дым от него, поднимаясь вверх, сжимался в плотные клубки, внутри которых дергались какие-то фигурки, кажется женские.

Впрочем, припекало по-настоящему. Тот, кто прятался за скамейкой, истошно завопил и метнулся прочь, тоже за угол соседнего дома.

Все, сейчас он попытается меня обойти с боку. И дожидаться этого нет никакого резона. Не хватало еще устраивать перестрелку чуть ли не на главной улице кибера. Причем к этому стрелку-любителю в любую секунду может подоспеть помощь. Тогда мое положение станет не просто плохим, а совершенно безвыходным. Значит, нужно как можно быстрее смыться.

Я не удержался и все-таки посмотрел в сторону журналистки.

Она лежала невдалеке, укрывшись за здоровенной, каких-то совершенно умопомрачительных очертаний урной. Причем позу, в которой она лежала, с большой долей вероятности можно было назвать соблазнительной.

Увидев, что я обратил на нее внимание, журналистка встрепенулась и крикнула:

– А все-таки, что вы чувствуете, когда ваши подпрограммы, ну те самые, начинают действовать?

Не удостоив эту сумасшедшую ответом, я вскочил и бросился прочь, каждую секунду ожидая, что вот-вот последует выстрел и третий пунктир уткнется мне прямым в спину.

Только бы этот неизвестный стрелок оказался не джигером. Если похитители подключат к охоте джигеров – моя песенка спета. Останется только поднять лапки вверх и смиренно ожидать смерти.

Выстрела так и не последовало.

Я отмахал еще пару кварталов, обернулся и уже хотел было вздохнуть с облегчением, как вдруг заметил мусорщиков. Их было пять, и были они несколько крупнее, чем напавшие на меня недавно. А стало быть, это были не те лохи устаревшего образца, из встречи с которыми я так счастливо выпутался.

Действовали они четко. Через секунду после того, как я их заметил, мусорщики уже стали разворачиваться в полукруг,

делая его центром мою скромную особу.

Чего-чего, а встречаться с ними мне совсем не хотелось. Кроме того, все происходящее начинало здорово напоминать тотальную облаву. Надо было исчезнуть и так запутать следы, чтобы охотники нашли меня как можно позже.

Вот только как это сделать?

Впереди показался кабачок «юных проводников». В тот момент, когда я пробежал мимо него, из кабачка выползло несколько посетителей. Кем-кем, а уж юными их можно было назвать с гигантской натяжкой.

Едва я их миновал, как в меня опять кто-то пальнул. Ни о каких трассирующих следах не было и речи. Хороший, добротный выстрел. Пуля, размером с небольшой огурец, просвистела возле моего уха, ударилась в средних размеров танк времен Второй мировой войны, зачем-то установленный рядом с кабачком на постаменте, отразилась от его брони и унеслась вертикально вверх. Сверху донесся истошный вопль белки:

– Пернатые! Они уже начинают! Рятуйте, люди! Если их не остановить, то погибнет весь мир, поскольку холодный край является его сердцем!

Я удирал. Ух, как я удирал! Так, как, наверное, никогда в жизни.

Какой-то тип, в совершенно задрипанной кепчонке, с тонкими, похожими на недокормленных гусениц усиками кинулся мне наперерез. На секунду остановившись, я пнул его,

да так, что он, схватившись за живот, смог только простонать:

– Ой-ой-ой! Зачем же так?!

– А ты думал, награду за поимку преступников дают ни за что? – пробормотал я, устремляясь дальше.

И все-таки, я знал, я понимал, что долго мне бегать не удастся. Рано или поздно меня прижмут к краю кибера, обложат со всех сторон и либо поймают, либо пристрелят на месте. Второе – более вероятно.

А стало быть, надо что-то придумать. Прямо сейчас.

Мне опять повезло. Проскочив очередную улицу, я нырнул под увитую виноградными гроздьями, обставленную обнаженными юношами с суровыми лицами и тупыми мечами в руках, арку и вдруг увидел прямо перед собой переливающийся всеми цветами радуги, издающий какие-то невнятные, но несомненно жизнерадостные звуки, источающий целый букет запахов шар метров пяти в диаметре.

Реклама!

Я рванул к этому шару, словно от него зависело мое спасение... Собственно, так оно и было. По крайней мере, в данный момент.

Последнее, что я услышал, прежде чем нырнуть в недра рекламы, был крик одного из преследователей:

– Держи! Уйдет, скотина!

Потом вокруг меня сомкнулись стены рекламного мира.

5.

Шары рекламы могут существовать только в каком-нибудь кибере. Кстати, возникновению их предшествовала довольно забавная история. Когда-то давно реклама настолько оккупировала киберы, что заниматься чем-либо кроме как с утра до ночи выслушивать восхваление очередным чудо-крекерам или сверхнадежным прокладкам стало невозможно. Понятное дело, с ней пытались бороться. Всяческие глушилки и экраны защищали на очень короткое время, поскольку производители рекламы всегда находили способ прорваться через их защиту. Кончилось все чем-то вроде войны, в результате которой реклама, во всех ее видах, была изгнана из киберпространства. Конечно, ненадолго. Она вернулась, она не могла не вернуться. Сначала постепенно, потихоньку-полегоньку, а потом... Ну да, те, кто потерпел во время первой рекламной войны убыток, не хотели повторения обрушившихся на них бедствий.

Именно поэтому возник пакт, со временем превратившийся в один из нескольких законов, на которых базируется жизнь киберов. Закон о рекламе. Вкратце он сводился к тому, что в каждом кибере под рекламу отводилось несколько строго ограниченных в пространстве точек. Таким образом, в каждом кибере появилось по десять сравнительно небольших по размерам рекламных шаров.

Поскольку размеры в киберпространстве ничего не значат, эти шары, снаружи имевшие не более пяти метров в диаметре, для того, кто в них попадал, представлялись целым миром. Миром рекламы, во всех ее разнообразных видах. Была только одна загвоздка. Как, каким образом заманить в эти шары тех, на кого реклама должна воздействовать?

Для рекламщиков эта задача была не задача. Неожиданно выяснилось, что рекламные шары предоставляют посетителям кибера целую кучу просто неоценимых услуг. Одной из них я как раз и собирался воспользоваться.

Попав в шар, я первым делом поднял глаза к потолку. В самом его центре была почти затененная всполохами красочных объявлений цифра «3».

Вот и отлично.

Стало быть, я попал в шар под номером 3. Для того чтобы оказаться как можно дальше от погони, мне необходимо перескочить в шар под номером 8 или 9. Теперь осталось только найти выход под таким номером. Поскольку я попал в шар не в первый раз, то это для меня являлось пустяковой задачей.

Я раздвинул руками вдруг опустившуюся на меня, казалось, сотканную из звездного неба, сеть, поперек которой кометными огнями было начертано: «Самые лучшие, самые пахучие, самые питательные и замечательные эмбриомаслины! Только у нас. Только для вас! Обращайтесь во все магазины фирмы «Шанденел и сыновья». Сеть с легким, как

мне показалось недовольным, треском разорвалась и исчезла, уступая место другой, салатного цвета, так и намекающего на радость и веселье, с надписью, читать которую у меня уже не было времени.

Кстати, что верно, то верно. Времени, у меня не было вообще. Вот-вот мои преследователи догадаются, куда это я от них ускользнул. Стоит им заметить, каким выходом я воспользовался, и погоня возобновится.

А значит – вперед.

Я пинком отшвырнул в сторону прозрачный ящик, на коротеньких ножках, пытавшийся всучить мне образцы каких-то жутко сладких конфет. Я прекрасно знал, что, даже будь у меня время их попробовать, ничего на самом деле не получится. В тот момент, когда я попытаюсь открыть крышку ящичка, встроенная в него программа просканирует мой счет и, убедившись, что его просто не существует, запретит оделять меня конфетами.

Сказочной осьминог с такой приторной улыбкой, что от нее сводило скулы, попытался заступить мне дорогу. Однако стоило мне замахнуться, как он проворно шмыгнул в сторону. Это позволило мне сделать еще несколько шагов и оглядеться.

Ага, вон там. Выход номер 9.

За то время, что я оглядывался, какая-то сороконожка, напевая радостный и жизнеутверждающий мотивчик, успела наклеить мне на руку билетик бесплатной лотереи, главным

выигрышем которой было путешествие в неведомый парк развлечений.

Впрочем, надо признать, до серьезной атаки не дошло. Оно и понятно. Те, кто работает по-серьезному, снабдили своих рекламных агентов программами, способными сканировать состояние счета будущего клиента на расстоянии. Атаковавшие меня сейчас были мелкой рыбкой, шушерой.

Я ухмыльнулся.

А ведь моим преследователям, конечно, за исключением мусорщиков, придется туго. У них-то на счетах кое-что лежит. А мне... меня сейчас волновало только одно – как можно быстрее добраться до выхода номер 9.

Быстрее, черт возьми, быстрее.

Еще у меня были опасения, что состояние моих финансов окажет воздействие на работоспособность выхода. Если это произойдет, то я – погиб.

Однако выход работал. Прежде чем проскользнуть в него, я все-таки не удержался, оглянулся. Преследователей еще не было видно.

Ну, вот и прекрасно. Просто расчудесно. Пусть на этот раз гончие псы впустую щелкнут челюстями в воздухе...

Я сунул пистолет в карман, привалился к стенке шара номер девять и позволил себе отдышаться. Совсем чуть-чуть. Все-таки существовала вероятность, что кто-то из преследователей ткнется наудачу в один из десяти выходов и попадет как раз в тот, которым я воспользовался.

Ну вот, кажется ушел... ушел.

Будь на моем месте и в самом деле незаконная программа, уж она бы отдыхать не стала. Я пока еще и в самом деле посетитель. По крайней мере, подпрограмм, позволяющих не отдыхать и не нуждаться во сне, у меня пока нет.

А жаль.

Если удастся выжить, надо будет позаботиться об этом в первую очередь. А во вторую...

Стоп, это что такое? Не собираюсь я оставаться в данном кибере лишней минуты. Вот докажу, что у меня украли тело, и более сюда не ногой. К черту. Жил я когда-то без путешествий по киберам, проживу и дальше.

Лишь бы выбраться.

Я заставил себя все-таки отлепиться от стенки рекламного шара и двинуться к выходу.

Вот там я отдохну. Снаружи. Там на это у меня какое-то время будет. Может быть, самое небольшое. А вообще-то, имеет смысл подумать об убежище, в котором, не опасаясь, что в тебя кто-то начнет палить, можно будет перевести дух, может быть, даже несколько часов поспать, и самое главное – обдумать положение, в котором я оказался. Если есть кое-какое время, можно найти выход из любого положения, каким бы безвыходным оно не было.

Да, точно.

Я вспомнил, сколько раз судьба загоняла меня в свои, хитро расставленные ловушки, и несколько приободрился.

Ничего, мы еще крутанемся под звуки старого грамофона.

Выпустивший меня из своего сверхперенасыщенного жизнерадостностью и высококачественными изделиями нутра, рекламный шар издал звук, аналогичный тому, который издает проколота велосипедная камера.

– Вот так-то, – буркнул я, поспешно оглядываясь.

Кажется, еще немного и поминутное оглядывание станет для меня привычкой.

Итак, выход номер 9 переместил меня туда, где я и должен был оказаться – в парк.

Я отошел в сторону от рекламного шара, выбрал куст погуще и залег за ним.

Ну вот, теперь меня со стороны шара не видно. А стало быть, можно отдохнуть. Если даже кто-то из преследователей сейчас появится на моем горизонте, удирать я не буду.

Почему? Да потому, что у меня на это нет сил. Для того чтобы продолжить игру в прятки с мусорщиками и прочими уродами, мне нужно хотя бы полчаса отдохнуть.

Нужно, хоть сдохни.

Я еще раз пожалел, что не оснастил свою личину парочкой подпрограмм, позволяющих не отдыхать хоть по несколько суток, а также не спать. Сделай я это своевременно, сейчас выжить мне было бы легче.

Хотя для простого посетителя, которым я был совсем недавно, выбить разрешение на эти подпрограммы чертов-

ски трудно, можно сказать невозможно. Только в обход закона...

Я лег поудобнее и полной грудью вдохнул чистейший в мире воздух, наслаждаясь ароматом цветов, запахом свежей земли, жужжанием мухи, выющейся вокруг моей головы.

Конечно, эту муху можно раздавить. Спустя некоторое время вполне могла появиться другая, но зато минут на десять я избавился бы от надоедливого жужжания.

Но нет. Пусть жужжит, пусть выполняет свою работу.

Какую? Можно и ответить. Поскольку ответ прост. Парк, запах цветов и насекомые созданы для того, чтобы посетители могли снять с их помощью неизбежные стрессы, возникающие в результате посещения кибера.

Оказываясь в кибере, посетитель словно бы попадает в другую вселенную. И конечно, по истечении небольшого времени он к ней почти приспосабливается. Но его разум должен, обязан отдыхать, иначе, на определенном этапе, он не сможет справиться с поступающей информацией. Между тем посетитель, даже и не подозревая об этом, будет загружать его и загружать, не давая отдохнуть, переварить полученное. Что в результате? Хорошо, если дело закончится обычным стрессом. Чаще всего, разум такого неосторожного посетителя выходит из строя. Проще говоря, человек сходит с ума.

Сумасшествие. Для того чтобы его избежать, в личины была встроена подпрограмма, создающая обратную связь,

время от времени, в соответствии с индивидуальными биоритмами посетителя, создающая у него ощущение усталости, а потом и вовсе погружающая его в сон.

Усталость.

Она была, наверное, самым серьезным моим врагом. Как ее победить? Очень просто – найти убежище и отдохнуть, а также все хорошенько обдумать. Безвыходных положений не бывает. Всегда найдется выход. Дайте только время, чтобы отдохнуть. Ну, хоть немного, хоть самую капельку. Чуть-чуть поспать. Уснуть...

Я с трудом открыл слипающиеся глаза и, вдруг сообразив, что именно происходит, рывком сел.

Так, начинается.

Чертова личина. Ведь предлагал же мне создававший ее мастер сделать к ней кое-какие добавки. Совсем безобидные, почти законные... И хотел он, насколько я помню, за эту услугу совсем немного.

Тогда за какие-то пустяковые добавки тратить некую сумму денег показалось непозволительной роскошью. Эх, если бы знать, где упаду... Я бы этому мастеру уплатил даже больше.

Ладно, шутки в сторону. Кажется, беда подкралась с той стороны, с которой я ее совсем не ожидал. Если в течение ближайшего часа я где-нибудь не приткнусь, моя песенка спета.

Почему? Да потому, что срабатывает подпрограмма, и заста-

вит меня уснуть. Ничего с этим не поделаешь. Да, конечно, там, в реальном мире, если это было нужно, я мог заставить себя не спать трое суток.

Здесь подобные фокусы не пройдут. Пресловутая подпрограмма является чем-то вроде выключателя, вмонтированного в мою личину ее создателем. Через час выключатель сработает и я погружусь в сон, несомненно, очень полезный моему организму, но своевременный, как появление в твоей спальне подвыпившего типа, издающего идиотский крик «я пришел тебя развеселить!», причем как раз в тот момент, когда ты решил поподробнее ознакомиться с особенностями фигуры одной чертовски соблазнительной особы, за которой до этого пару лет совершенно безрезультатно бегал.

Вот только, уснув, я стану легкой добычей. Подходи и бери голыми руками.

И подойдут ведь, и возьмут. А потом, с радостным хихиканьем, предвкушая получение щедрой награды за уничтожение моей скромной персоны, сотрут.

Стоп, а не слишком ли я распаниковался? У меня есть еще целый час. Надо действовать, а не терять время на бесполезные размышления.

Я встал и пошел по аллейке к выходу из сада. Мне уже приходилось здесь бывать, и поэтому заблудиться я не боялся. Миновав небольшой пруд, усеянный неестественно белыми лебедями, я прошел мимо лужайки, на которой устроила пикник компания парней и девушек. Парни, похоже, при-

надлежали к тем любителям природы, для которых весь смак общения с ней состоит в том, чтобы ему сопутствовали немалые дозы спиртного. Личины у девчонок были сделаны с некоей претензией на оригинальность, но не более. Так, ширпотреб, проще говоря – фуфло.

Хорошо бы эти юные кандидаты на поступление в орден сизого носа не обратили на меня внимание. Хотя пьяницам иногда свойственна поразительная наблюдательность и памятьливость.

Я надеялся, я сильно надеялся, что эти юнцы меня не запомнят. В конце концов, должно мое невезение когда-то кончиться? Хорошо бы сейчас. По закону компенсации... Впрочем, кроме закона компенсации, есть еще и закон подлости.

Когда развеселая компания осталась позади, я ускорил шаг. Нужно было как можно скорее выйти из парка. Убежища в нем мне не найти. А вот в городе мне может и улыбнуться удача. Какой-нибудь рассеянный, состоятельный посетитель вполне мог, возвращаясь в большой мир, забыть закрыть дверь своего дома на замок. И если он не вспомнит об этом, и не вернется в ближайшие восемь часов, я смогу отоспаться. Конечно, шансы на это ничтожно малы. Но что мне остается? Сдаться? Поднять лапки кверху? Ну, нет, этого они не дождутся.

Значит, мне необходимо как можно скорее попасть в город.

Я снова пошел быстрее. Тропинка вывела меня к памятнику Питри Джерва, автора знаменитого романа «Голодный желудок». У подножия скульптуры, на скамейке, сидела влюбленная парочка. Парень и девушка с увлечением предавались тому, чему предаются все влюбленные идиоты в самых подходящих и неподходящих для этого местах, а именно целовалась. Над головами у них летал кругами довольно изящно сделанный голубок. К лапкам его был привязан плакатик «Просьба, не беспокоить». В тот момент, когда я проходил мимо скамейки, правая рука парня, до этого лежавшая на талии девушки, соскользнула еще ниже. Видимо, это действие несколько превышало обычный репертуар ласк влюбленных, потому что девушка попыталась отодвинуться от кавалера и тихо вскрикнула. Впрочем, уже мгновением позже она покорилась и снова приникла к губам возлюбленного.

Я покачал головой.

Ну ладно, хоть этим-то нет до меня никакого дела. У них, кажется, и своих забот хватает. Однако какого черта они заявили в кибер? Вволю нацеловаться? Неужели этим нельзя было заняться там, в реальном мире? Зачем для такого простого занятия нужно было надевать личины? Хотя... Кто знает, может быть, эти прекрасные влюбленные на самом деле там, в большом мире – мультимиллионеры, может быть, им там лет по семьдесят? Возможно личины, которые я сейчас увидел, на самом деле приобретены в обход всех законов? Снова пережить ощущения молодости, вновь почув-

ствовать себя юным и красивым. Мир киберов может предоставить и такие удовольствия. Но не просто за деньги, а за очень большие деньги. Реально такое себе могут позволить только немногие, очень немногие.

А может быть, это вовсе и не посетители, а творение одного из кукарач, решившего, что памятник знаменитого писателя нуждается в некоем дополнении? Пройдут годы, десятилетия, а эти двое, пока не кончится питающая их энергия, все так же будут сидеть на скамейке и целоваться. Поскольку действия их не отличаются сложностью и многообразием, а стало быть, не требуют большого расхода энергии, все это может продолжаться очень долго...

Боже, дались мне эти влюбленные? Да не до них сейчас. Решить бы свои проблемы. Если точнее, то для начала всего лишь одну – найти дом, в котором можно спокойно отоспаться.

Я уже был возле ажурной арки, украшенной огромными, размером с футбольный мяч, цветами, собственно, являющейся выходом из парка, когда на меня навалился второй приступ сонливости.

Он больше не пытался ко мне незаметно подкрасться. Он накатил на меня словно цунами, навалился, попытался поглотить, унести с собой туда, где так заманчиво плескались теплые моря бесчувствия, укрытые туманом беспамятства, властно взял меня за плечо, даже не намекая, а громко и весомо, с позиции силы, говоря, что если я ему не покорюсь,

он сотрет меня в порошок.

Даже не так. Нет. Это был не приказ. Это был рев, и в нем чувствовалась такая неодолимая ярость, что сопротивляться ему не смог бы, наверное, никто. Ну, разве что я. И не потому, что я такой крутой. И не потому, что я такой сильный. Просто я спасал свою жизнь, а когда дело касается спасения собственной жизни, любой обычный человек может стать и крутым и сильным. Если, конечно, успеет осознать, что от него требуется именно это.

Я успел. Осознал. Оказал сопротивление. Меня хотя и порядочно потрепало, но все же не смыло.

Наверное, для какого-нибудь постороннего наблюдателя, это выглядело даже забавно. Как же, самый обыкновенный посетитель вдруг ни с того ни с сего стал выписывать ногами причудливые фигуры, то и дело норовя завалиться на бок, при этом наверняка треснувшись головой об одну из колон, поддерживавших арку. Меня мотало из стороны в сторону, словно белье на сильном ветру. Одна нога так и норовила поставить другой подножку. Глаза сами собой закрывались. Но я все же выдержал и остался на ногах. А потом приступ кончился, и я смог оглядеться.

Посторонних наблюдателей, к счастью, не было. И я уже видел крайние дома города. Они были так близко, что, казалось, до них можно дотянуться рукой. Все-таки я обернулся, чтобы еще раз взглянуть на парк. И сделал это вовремя, как раз в тот момент, когда неизвестно откуда появившийся

ветер принес из парка запах свежих цветов, такой сильный и пьянящий, которого я никогда там, в реальном мире, не ощущал. Но это было не все. Потому что вслед за запахом ветер принес из парка древесный лист, и тот, словно ставя невидимую печать, на мгновение прилепился к моей щеке, чтобы потом сорваться с нее и, согласно воле ветра, унести дальше, унести прочь.

И это прикосновение, и эта оставшаяся на моей щеке невидимая печать вдруг странным образом породили одну простую мысль, совсем не нужную мне в данный момент, но почему-то от этой мысли мне стало легче. Может быть, потому, что от нее, тоже веяло сочным, цветочным запахом.

О чем была эта мысль? Ну конечно, о тех пресловутых, нелепых, совершенно ненужных никому на своей глупой скамейке влюбленных. О них.

Я вдруг подумал, что есть еще одно, до этого не приходившее мне в голову объяснение их существования. Самое нелепое, самое невероятное.

Может быть, эти двое влюбленных вовсе не посетители и даже не творение неизвестного кукарачи, решившего вдруг украсить парк аллегорической, движущейся скульптурой? Может быть, они являются всего лишь отражением, проекцией действительно существующей влюбленной парочки, где-то там, в большом мире, в данный момент сидевшей на скамейке в одном из разбросанных по поверхности Земли парков, и пожиравших друг друга страстными, такими, что,

казалось, слаще их не бывает, поцелуями?

Как она возникла, эта проекция, совершенно неважно. Может быть, не без помощи наполнявшей кибер и постоянно меняющейся информации. Об этом мне думать не хотелось вовсе.

Меня заворожила одна вдруг открывшаяся возможность. А если не нужно бегства, стрельбы и поисков укрытия? Может быть, для того чтобы спастись, я должен всего лишь вернуться к памятнику, оторвать этих двух юных идиотов друг от друга и объяснить им, кто я такой, что со мной случилось, а также что им, этим двоим, надлежит сделать.

Всего-навсего.

Я даже сделал шаг или два в сторону парка, а потом одумался. То, что я собирался сделать, не являлось даже хватанием за соломинку. Нельзя схватиться за то, чего нет. И если моя безумная догадка все-таки является правдой, то никакой помощи от двух влюбленных я не получу. Если они проекция, то появились здесь в кибере потому, что испытываемые ими эмоции вошли в резонанс с информационным полем кибера. Очень редкий, практически небывалый случай. Поэтому, стоит мне отвлечь влюбленных друг от друга, как их эмоции изменятся и выйдут из резонанса. В результате проекция исчезнет.

Я вздохнул.

Эти сопляки так никогда и не узнают, что своим существованием, на несколько секунд, подарили надежду на спа-

сение одному человеку с очень большими проблемами. Кстати, насчет проблем. Не пора ли немедленно вернуться к решению одной из них?

Я повернулся к парку спиной и пошел в сторону города. Спасенье надо было искать там. Не исключено, что вместо него я найду в городе бесславный конец. Ну, это как подфартит. Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

До первых домов и в самом деле было рукой подать. Ровно через пять минут я попытался открыть дверь дома, показавшегося мне подходящим для проживания в нем человека, своей рассеянностью обязанного меня спасти.

Ага, как же!

Вместо того чтобы гостеприимно распахнуться, дверь выдвинула из себя оснащенную сверх всякой меры острыми зубами препаскуднейшую морду и довольно невежливо осведомилась:

– Тебе чего?

– А твое какое дело? – буркнул я, отправляясь дальше.

– Вот цапну за одно место, тогда узнаешь какое, – прошипела мне вслед дверь.

Я даже не обернулся. Не хотелось тратить на бесполезные препирательства драгоценное время. Его оставалось все меньше и меньше, оно убывало словно кислород в легких тонущего человека.

Следующая дверь выглядела очень заманчиво. В верхней ее половине трудолюбиво махал крыльями розовый, будто

только что из парной ангелочек, в нижней самозабвенно уничтожала вновь и вновь выраставшую вокруг нее траву лань с тучным телом и неправдоподобно тонкими ножками. Всю центральную часть двери занимала надпись, каллиграфически выведенная изящными буквами «Милосердие есть единственный путь к праведной жизни».

А вдруг?.. Разве можно пройти мимо такой двери?

И я ее толкнул. И тотчас ангелочек сладким-сладким голоском спросил:

– Ты страждущий?

– Еще бы, – сказал я. – Конечно страждущий.

– Страждущий духом или телом?

– И тем, и другим.

– Отчего же страдает твоя душа? – поинтересовался ангелочек. – Может быть, оттого, что в наше время развелось так много отринувших протянутую им милосердную длань?

– И от этого тоже, – изо всех сил постаравшись придать своей физиономии постное выражение, сказал я. – Но более всего, оттого что она вот-вот расстанется с бранным телом, в котором обитает.

– Ага, – глубокомысленно произнес ангелочек. – Вот так значит?

– Ну конечно. Я из тех, чью душу еще можно спасти. Но прежде надлежит позаботиться о моем теле. Ему угрожает гораздо большая опасность.

Глаза ангелочка вдруг сузились. Добрыми и ласковыми их

теперь назвать было трудно.

– Нет ничего важнее души, – металлическим голосом сказал он. – И ошибается тот, кто сначала заботится о теле, а потом уже о душе. Советую тебе хорошенько обдумать эту мысль и встать, наконец, на правильный путь.

– Обдумал, уже обдумал, – поспешно сказал я. – И готов, хоть сейчас, встать на этот самый путь, но только сначала...

Бац!

Ангелочек с громким хлопком исчез и на его месте появился серафим, с сурово сжатым ртом, пылающими глазами и огромным, отливающим золотом мечом в руках.

– Пади грешник перед воином божьим! – прогудел он низким басом. – Пади и покайся.

Я тяжело вздохнул.

Ну вот, и здесь облом. Черт бы побрал всех святош на свете. Черт бы их всех побрал.

– Значит, ты продолжаешь упорствовать? – спросил серафим и замахнулся на меня мечом.

Лань перестала щипать траву и завопила тонким голоском:

– Покайся! Покайся, пока на тебя не опустилась карающая длань.

Я обречено махнул рукой и двинулся дальше, высматривая следующую дверь. И увидел ее, почти совсем незаметную, украшенную всего лишь одним, похожим на подсолнух, цветком. Мне даже показалось, что она приоткрыта, и стоит

к ней подойти...

Да нет, этого не может быть. Какой дурак здесь, в кибере, умудрится не только забыть закрыть на замок дверь своего дома, но даже оставит ее приоткрытой, словно приглашая непрошенных гостей? Мне это всего лишь показалось.

Я сделал еще пару шагов к двери, совершенно четко разглядел, что она приоткрыта, и вдруг остановился.

Слишком легко, слишком просто. Так не бывает. Хотя... Бывает, но при одном условии. Если эта приоткрытая дверь – ловушка. На кого она поставлена? Ну конечно, на меня, на кого же еще?

А если я все-таки ошибаюсь и передо мной единственный шанс на спасение, немислимая, невероятная удача, из тех, которые выпадают только таким придуркам, как я?

Так удача или ловушка?

И времени оставалось совсем мало. Надо было на что-то решаться, сейчас, немедленно.

Эх, была – не была!

Мысленно перекрестившись, я шагнул к двери, протянул руку, чтобы открыть ее...

И тут на меня снова накатило.

Какая к дьяволу волна? Это было словно удар дубинкой по затылку. Окружающий мир приобрел резкие, неестественные очертания, а потом с тихим, нежным звоном, с каким лопаются елочные игрушки, раскололся на множество мелких квадратиков. Под негромкую, завораживающую мело-

дию они закружились вокруг меня, превратились в разноцветную метель, потом закрутились смерчем, ударили мне в лицо, да так, что у меня подкосились ноги.

Покачнувшись и все же каким-то образом не упав, я шагнул вперед, нечеловеческим усилием освободился от пут сна, снова увидел ручку той самой спасительной двери, уже не думая о том, что за ней может оказаться ловушка, дернул на себя...

Пелена квадратиков снова отрезала меня от окружающего мира.

Я еще успел услышать, как сквозь убаюкивающую мелодию пробился скрип открываемой двери, снова шагнул, уже не видя, куда именно, споткнулся и стал падать.

И конечно, падение было бесконечным, сопровождало его тихое, почти робкое сожаление о том, что мне так и не удалось спастись, а закончилось оно, как и следовало ожидать, полной, окончательной темнотой.

6.

Свет. Сполохи. Движущаяся в тумане девушка. Похоже – красивая. Танцующая.

Зачем она это делает? И вообще, причем тут какая-то девица, если я уже умер? Умер? Но почему тогда я ее вижу, почему способен думать? Этого не может быть, ведь там, за границей жизни и смерти нет ничего: ни мыслей, ни чувств, ни девиц. Или все-таки – есть? Например – гурии магометанского рая. Вероятно, я попал именно туда. Но как это могло быть? Фантастическое, чудесное, невысказанное стечение обстоятельств? Да нет, так не бывает.

А раз не бывает, то ничего не остается, как найти происходящему более реальное объяснение. И сделать это, как оказывается, не очень трудно. Особенно сейчас, в данную минуту, поскольку пелена уже спала с моих глаз, поскольку я способен ясно мыслить, поскольку...

Да, все верно.

Какой там, к черту, потусторонний мир? Я вдруг понял, что лежу на спине в небольшой комнате, потолок которой украшен изображением танцующей девушки, и в самом деле очень красивой, здорово похожей на журналистку, пытавшуюся меня заарканить перед тем, как я скрылся от преследователей в рекламном шаре.

И еще – я был жив, каким-то чудом умудрившись во вре-

мя сна не попасть в руки преследователей.

Кстати, а как это произошло? Кто меня спрятал и зачем ему это было нужно?

Для того, чтобы получить ответ на этот вопрос, мне достаточно было слегка повернуть голову вбок.

Оба-на! Это кто же такой знакомый маячит в поле моего зрения? Уж не Ноббин ли? Ну, конечно, он самый.

– Ага, проснулся, урод, – ласково сказал Ноббин. – Выдыхся, скотина. Теперь можно и поговорить.

Чем-то он смахивал, произнося эти слова, на старого, доброго папашу, вдруг случайно обнаружившего, что его сын, единственная надежда и гордость рода, на самом деле является жутким остолопом, которого надлежит нещадно выпороть, причем чем скорее, тем лучше.

– Сам ты урод, – буркнул я. – Причем, из всех виденных мной уродов, ты – самый мерзкий и противный.

Ноббин задумчиво покрутил головой и попытался уточнить:

– Так все-таки мерзкий или противный?

– И то и другое вместе. А еще – лупоглазый, толстоногий, тупой, злобный, жадный, подлый, поганый и задрипанный.

– Задрипанный-то почему? – ошарашено спросил Ноббин.

– Потому что, – веско сказал я и попытался встать.

Как же! Ничего у меня не вышло. Да и не могло выйти. Скосив глаза, я обнаружил, что лежу на какой-то платформе,

в позе распятого. Роль гвоздей, которыми обычно прикрепляю распинаемых к кресту, на этот раз играли четыре сильные, мускулистые руки, выроставшие прямо из поверхности платформы и надежно сжимавшие мои запястья и лодыжки.

– Прах заberi, – сказал я. – Это-то зачем?

– А затем, что ты, как мы недавно убедились, очень приткий парень. Нам бы не хотелось, чтобы ты выкинул какое-нибудь коленце, прежде чем мы с тобой поговорим.

Нам?

Я быстро огляделся.

Так и есть! Они были здесь все. Ноббин, Хоббин, Сплетник и еще около десятка бродячих программ. Вид у них был довольно неприветливый. На плече у Сплетника сидел взгляд, с надписью через весь живот: «Очень озабоченный».

Наверное, мне надо было сказать что-то вроде: «Ну, вы и гады». Однако я не стал это делать. Зачем? Конечно, у меня большие неприятности, очень большие. Но их-то это почему должно волновать? Для них самое главное – жить так, как хочется, и чтобы никто не создавал им проблем. А я, похоже, за последнее время стал для них большой проблемой, требующей принятия каких-то мер.

Интересно, выдадут ли они меня тем, кто за мной охотится? Глупости, конечно нет. Они могли это сделать давным-давно. Хотя, кто знает? Скорее всего, сейчас, здесь, состоится что-то вроде совещания о моей дальнейшей судьбе. И совершенно невозможно предугадать, к какому решению

придут все эти бродячие программы.

Ну-ну, посмотрим. Может быть, мне все-таки представится шанс оставить с носом и эту компанию?

– Хорошо, давайте поговорим.

Я попытался отпустить одну из самых дружелюбных улыбок, имевшуюся в моем арсенале. Правда, боюсь, более всего она походила на гримасу, которой встречает лесника попавшийся в собственный капкан браконьер – неудачник.

– Ну, вот и отлично.

Ноббин кивнул и махнул рукой своим товарищам. Комната, в которой я оказался, видимо, не принадлежала к числу дешевых, сляпанных каким-нибудь кукарачей – халтурщиком. По крайней мере, она снабдила всех находящихся в ее стенах удобными креслами. После того как бродячие программы расселись, Ноббин сказал:

– Приступим. Мы собрались здесь, для того чтобы решить судьбу бродячей программы именуемой Эссутил Квак. Она возникла в нашем кибере совсем недавно, но уже успела...

– Ладно, обойдемся без демагогии, – прервал его Сплетник. – Суть дела в том, что есть хороший парень, за которым по пятам идут мусорщики, проводники, и еще какой-то негодяй, самым подлым образом стащивший у него тело. Сообщаю это тем, кто не знает всю историю. Понятное дело, вся эта банда жаждет Эссутила прикончить. А он, естественно, мечтает только об одном – остаться в живых.

Кто-то из бродячих программ тихо присвистнул, кто-то

издал одобрительный возглас.

– Ну конечно, он молодец, – сказал Хоббин. – Вот только, спасая свою шкуру, он здорово раздраконил преследователей. Похоже, теперь, для того чтобы его поймать, они готовы на самые крайние меры. Еще раз скажу – на самые крайние. Понимаете, что это означает?

Сидевший неподалеку от Хоббина человек в черном смокинге, с узким смуглым лицом и черными усиками-щечками, очевидно, промышлявший увеселением посетительниц бальзаковского возраста, рассеяно поднял правую руку и, полюбовавшись украшавшим ее указательный палец кольцом с огромным бриллиантом, тихо сказал:

– Тотальная чистка.

– Она самая, – подтвердил Хоббин. – Тотальная чистка.

– С чего ты взял, что они на нее все-таки решатся? – спросил тот самый гномик, которого я уже видел в таверне «Кровавая Мэри».

– Вполне могут, – пояснил Сплетник. – Час назад они поставили перед нами ультиматум. Либо мы выдадим Ессутила Квака, либо они проведут тотальную чистку.

– Сколько у нас времени? – поинтересовался гномик.

– Три часа, из которых один уже прошел. Итого: осталось – два. Не очень много, правда?

– Может, они блефуют? – предположил Гномик.

– Может и так, – сказал Сплетник. – Однако, шансы на то, что они на нее решатся – очень велики. Еще вчера во всех

средствах массовой информации, там, в большом мире, царил полный штиль. Газеты отчаянно искали хоть что-то, похожее на сенсацию. И нашли, наконец. Кибер-12, в котором завелась бродячая программа, нападающая на проводников, в котором каждую секунду может возникнуть очередная перестрелка. Ну, и так далее... В другое время, вероятно, никто на происходящее у нас в кибере не обратил бы внимания. Но сейчас...! Комментаторы галовиденья только и делают, что смакуют подробности. Выступают разные ученые пни и выдвигают совершенно идиотские теории, объясняющие возникновение такой психованной бродячей программы. Государственные чины, имеющие хоть какое-то отношение к киберам, дают интервью, в которых клятвенно обещают навести во всех киберах, и в первую очередь в нашем, идеальный порядок. Глава сообщества проводников объявил, что назначил премию в размере десяти тысяч инфобабок за уничтожение бродячей программы под именем Ессутил Квак. Ну... и так далее... и все остальное в том же духе. Думаю, что на это не стоит обращать большого внимания, поскольку через пару дней весь этот шум стихнет. Так что, говорить о нем больше не стоит. Однако у нас сейчас есть ультиматум. Это штука серьезная.

– Ультиматум предъявил сам начальник мусорщиков? – поинтересовался кто-то из бродячих программ.

– Собственной персоной, – ответил Сплетник.

– Ого!

Бродячие программы впали в задумчивость.

Минуты через две я решил, что пришла пора задать один, чрезвычайно меня интересовавший вопрос.

– Что такое тотальная чистка?

Ноббин удивленно взглянул на меня.

– А ты разве не знаешь?

– Нет, – чистосердечно признался я. – Мне даже не приходилось ни разу о ней слышать.

– Это потому, что проводят ее очень редко, – объяснил Хоббин. – Вообще, тотальная чистка – очень дорогая операция. И для того, чтобы ее провели в каком-нибудь кибере, необходимы достаточно веские причины. Но уж если ее проводят, то все, пиши пропало. После тотальной чистки остаются только разрешенные законом программы, только построенные по всем правилам, без малейших отклонений дома, реклама лишь та, что была сделана с соблюдением всех бесчисленных предписаний и постановлений, торговые дома и увеселительные заведения лишь те, которые не отступают от закона ни на йоту. Все остальное безжалостно уничтожается. Короче, для всех, кто в результате своей деятельности потихоньку выходит за рамки закона, тотальная чистка является чем-то вроде Армагеддона.

– Вот-вот, – сказал Гномик. – А если к тому же еще учесть, что наш кибер не принадлежит к числу богатых и процветающих, то очень легко понять, почему почти каждый его постоянный житель, для того чтобы свести концы с концами,

вынужден время от времени нарушать тот или иной закон. Как ты думаешь, что останется от нашего кибера после тотальной чистки?

Я понимающе кивнул.

Да уж, тут он был прав на все сто процентов. Для того, чтобы спасти свою жизнь, я хотел устроить большую бучу. И устроил. Вот только получается, что жителям кибера она может выйти боком.

Сплетник задумчиво покачал головой и тихо сказал:

– Да, парень, ты что-то слишком уж разошелся. Я, конечно, предполагал, что ты устроишь большой шум. Но не такой же!

Я разозлился и спросил:

– А какой, какой, черт побери? Мне что, надо было стоять и ждать, когда меня пристрелят?

– Ну-у-у...

Сплетник смутился. Взгляд его переместился на пол и нервно по нему забегал.

– И вообще, – сказал я. – Надоело мне лежать на этой платформе. Может, вы меня все-таки освободите? Не убегу я, не убегу. Да и как я это могу сделать, если вас здесь десять здоровенных лбов? Кстати, и куда же мне бежать? Ну, отпустите?

Хоббин и Ноббин переглянулись. Ноббин выбил ногами короткую дробь, а потом сказал:

– Ладно, похоже, сейчас, когда он уже в курсе дела, его

можно отпустить. Да и удрать ему, в самом деле, не удастся.

Любимчик вдовушек криво ухмыльнулся, выдвинул из ладони правой руки длинное, тонкое лезвие и, задумчиво его осмотрев, так словно видел в первый раз, изрек:

– Это точно. Удрать ему не удастся. Пусть даже и не пытается.

Хоббин издал резкое, похожее на змеиное, шипенье.

Тотчас четыре удерживавших меня руки исчезли. Я рывком сел на край платформы, и быстро обследовал собственные карманы. Все было на месте, не считая, конечно, пистолета.

Жаль, хорошая была пушечка. И здорово меня выручила.

Вытащив в виде утешения из кармана сигарету, я с удовольствием закурил.

Ну вот, теперь можно и поговорить. Безвыходных положений не бывает. Бывают лишь люди, которые не смогли догадаться, как выкрутиться из очередной, поставленной мрачной шутницей – судьбой, ловушки.

Ноббин снова издал шипящий звук. Платформа, на краю которой я сидел, мгновенно исчезла. От падения на пол меня спасло мягкое кресло, такое же, как то, в которых сидели другие бродячие программы. Оно мгновенно выросло из пола и приняло на себя мою тяжесть.

– Учти, – напомнил мне гномик. – Если мы тебя и освободили, это еще не означает, что мы пренебрегаем требованиями ультиматума.

– Как же, дожدهшься от вас милосердия, – проворчал я. – Держи карман шире.

– Между прочим, – сказал Ноббин. – Мы могли сдать тебя мусорщикам сразу, после того как ты ввалился в это помещение и заснул, словно сурок.

Я криво усмехнулся.

– Но ведь не сдали же. Значит, у вас были для этого веские причины. Очень веские. Или я ошибаюсь?

Ха, они еще не знают на кого нарвались. Быть коммивояжером может далеко не каждый. И это очень трудная работа. Представьте, вы приходите в совершенно незнакомый дом, видите там людей, которым наплевать на вас, на ваш товар, может быть, даже на весь остальной мир. Вам нужно мгновенно определить, что за люди перед вами находятся, угадать их слабые стороны и пристрастия, а потом буквально первой же фразой суметь дать им понять, что вы тот, кто может значительно облегчить их быт. Если вам это удастся, и если во время последующего разговора вы не совершите ни одной ошибки, ни разу не позволите им усомниться в том, что это именно так – они ваши. Здесь имеет значение каждый жест, каждое слово, каждый взгляд. Особенно – взгляд. Вы можете очень долго и вполне успешно вешать лапшу на уши кому угодно, и все может рухнуть из-за одного неосторожного взгляда. Вы лишитесь плодов тяжелого труда, и... Тяжкого? Ну конечно – тяжелого. Можно ли назвать легким труд, во время которого от вас на протяжении, примерно получаса

требуется полностью контролировать собственную речь, мимику, выражение глаз, и все лишь для того, чтобы продать каким-то лохам две-три бутылки нового моющего средства? В лучшем случае, если очень повезет, вы можете спихнуть пылесос, и это будет уже крупной удачей. Так вот, еще раз спрашиваю, можно ли назвать такую работу легкой?

К вашему сведению, я занимался ей последние десять лет и переквалифицироваться не собирался. Почему? Да потому, что эта работа обеспечивала мне довольно сносное существование. И если бы не эта история...

Ладно, проехали.

Я еще раз окинул комнату взглядом. Что-то отвечать на мой вопрос никто не торопился. А это доказывало только одно – задав его, я попал в самую точку.

Ну, ребята, кто самый смелый?

Самым смелым оказался Сплетник. Видимо, он чувствовал себя каким-то образом за меня ответственным. А может быть, все еще надеялся вернуть свои инфобабки.

– Прекрасно, – сказал он. – Ты угадал. Причины для этого были. Вернее, одна причина, но очень веская.

Вздыхнув, Сплетник поудобнее уселся в кресле, сцепил пальцы и, громко хрустнув ими, вопросительно посмотрел на Ноббина. Тот едва заметно кивнул.

Я раздраженно поморщился.

Дешевые штучки. Особенно здесь, в кибере. Программа, производящая хруст пальцев, стоит пару инфобабок, не

больше.

– Ультиматум перед нами ставят не в первый раз, – сообщил Сплетник. – Мусорщики спят и видят, что им удалось прибрать бродячие программы к рукам. Кто, кроме нас, знает обо всех незаконных делишках, происходящих в кибере? А еще, кто лучше нас может добыть компрометирующую информацию на определенных посетителей? Старая как мир система. Для того чтобы поддерживать закон, или видимость закона, стражи порядка отчаянно нуждаются в сотрудничестве с теми, кто умеет его нарушать. Насколько я знаю, в истории большого мира так было всегда. Теперь мусорщики пытаются устроить здесь, в киберах такую же систему.

Я окинул взглядом комнату, сидевшие в ней бродячие программы и ошарашено почесал затылок.

Вот это да! Да нет, так не бывает. Они меня обманывают. Пытаются запудрить мне мозги. Чтобы кто-то в этом мире, причем даже не живые люди, а какие-то бродячие программы, пытался отстоять такое глупое и забытое всеми понятие, как свобода? Там, в большом мире, слово «Свобода» давно превратилось в ничего не значащий набор звуков, в затасканную тряпку, настолько грязную и замаранную от долгого использования в самых нечистоплотных целях, что люди побрезгливее уже стыдятся брать ее в руки, а тут...

Я еще раз обвел их взглядом. По очереди, каждого в отдельности. Ноббина, Хоббина, Сплетника, гномика, любителя престарелых дамочек, а также всех остальных.

Хм, может быть, они все-таки говорят правду? Да нет, так не бывает. Меня пытаются еще раз, цинично и до глупого просто, обмануть, обработать и оставить в дураках. Потом, когда все кончится и нужда во мне отпадет, эти же самые любители свободы с сытым, довольным смешком ткнут меня носом в дерьмо.

Так уже было, и не раз.

– Эй, ребята, он нам не верит, – сказал Сплетник. – Этот сукин сын посмел нам не верить!

– А с каких это веников тебе надлежит верить? – окрысился я. – Откуда я знаю, что у тебя в голове и что ты на самом деле задумал? Нет уж, на эту удочку ловите кого-нибудь другого. Я предпочитаю, чтобы мне говорили правду или хотя бы что-то, в чем есть доля правды.

Взгляд Сплетника вскочил мне на колени и тонко заверещал. На спине у него светилась малиновая надпись: «Ты – псих!».

– Ну, если ты нам не веришь, то это твое полное право, – Сплетник пожал плечами. – Однако время уходит и нам нужно что-то придумать. Если до объявления ультиматума мы еще могли выдать Ессутила мусорщикам, то сейчас, после того как они поставили нас перед выбором, мы не можем показать свою слабость. Иначе повод для следующего ультиматума найдется очень быстро. И во второй раз поступить не так, как хотят стражи порядка, мы уже не сможем. Третьего ультиматума, скорее всего, не будет. Зачем он мусорщикам,

если можно просто-напросто нам приказать? Понимаете, что я имею в виду?

Гномик важно кивнул и изрек:

– Конечно, мы все это понимаем. Однако если не согласиться на требования мусорщиков, они запросто могут провести тотальную чистку. Нужна ли свобода тем, кто перестал существовать?

– Во-первых – нужна, – веско сказал Хоббин. – Свобода – это такая шутка, которая нужна всегда. С ней жить веселее. Кроме того, кто тебе сказал, что из нашего положения есть только два выхода: либо принять этот чертов ультиматум, либо не принять?

– А разве есть третий? – спросил любитель престарелых искательниц приключений.

– Вполне возможно – есть, – Хоббин старательно протер тонкой лапкой свои огромные, выпуклые глаза и посмотрел на Сплетника так, словно тот, вот сейчас, подобно деду-морозу, должен вытащить из кармана уже готовое и даже перевязанное голубенькой ленточкой решение.

Сплетник мрачно чертыхнулся и задумчиво сказал:

– Ну-у-у... вообще-то у меня такое решение имеется. Но претворить его в жизнь можно лишь при условии, что Эссутил согласится нам помочь.

Вот оно. Начинается.

– Спорим, – сказал я. – Это самое пресловутое решение было у тебя в голове еще до того, как мусорщики предъяви-

ли ультиматум? И весь этот разговор был затеян лишь для того, чтобы заставить меня участвовать в давным-давно задуманной тобой игре? А ультиматум не более чем предлог, вдруг, кстати, подвернувшийся тебе под руку?

– Нет, это невозможно, – буркнул Ноббин. – Он нам не верит.

– Конечно, не верю, – продолжал гнуть свою линию я. – Вся ваша игра шита белыми нитками. Особенно то, как вы меня заполучили в эту комнату. Никогда не поверю в то, что прямиком на моем пути, причем, в тот момент, когда я уже почти окончательно заснул, совершенно случайно попалась открытая дверь. И опять же, по дикому стечению обстоятельств, за дверью меня поджидали именно вы, вы все, причем всего лишь для того, чтобы укрыть меня от преследователей и дать мне спокойно выспаться.

– Он неизлечим, – сказал Ноббин. – Это, кажется, называется – манией преследования.

– Мне совершенно все равно, как это называется, – сказал я. – Пока вы не перестанете считать меня за дурака, и пока не скажете мне хотя бы часть правды, серьезно разговаривать с вами я не собираюсь. Кстати, учтите, времени остается все меньше.

– Ну, фрукт, – промолвил любитель романтических старушек. – Заметили, он пытается нас шантажировать?

Хоббин несколько раз топнул ногами, потом махнул рукой и сказал:

– Ладно, попробуем с ним поговорить по-другому. Эй, ты, параноик, тебе, собственно, чего надо? Ты хочешь выбраться из кибера в большой мир, не так ли?

– Так, – неохотно сказал я.

– Ну, вот и хорошо. Мы можем тебе такую возможность предоставить. Без обмана. Ты попадешь в большой мир и попытаешься там отыскать свое украденное тело. Но сначала ты должен помочь нам. Понимаешь? Ты поможешь нам выкрутиться из положения, в которое мы попали благодаря твоим необдуманнным действиям, а мы за это переправим тебя в большой мир. Согласен?

– Каковы гарантии, что вы меня не обманете?

– Гарантии? – мрачно сказал Сплетник. – Да никаких гарантий мы не даем. Понимаешь? Мы дарим тебе надежду, и это в твоём положении уже немало. Либо ты нам веришь, либо погибнешь. У тебя и в самом деле только две возможности. Надежда или гибель. А дверь в этот дом на твоём пути и в самом деле появилась не случайно. Но не для того, чтобы тебя использовать. Понимаешь, мы как волчья стая. В обычное время каждый сам за себя, каждый четко охраняет свои привилегии и охотничьи владения, каждый сам решает свои проблемы. Однако у нас есть одно железное правило: своих мы не выдаем. А ты, превратившись в бродячую программу, стал нашим, стал своим. Именно поэтому мы хотели тебе помочь, именно поэтому следили за тобой и открыли дверь как раз в тот момент, когда тебе стало уж совсем нев-

моготу. Мы рассчитывали что, отоспавшись, ты отправишь-ся дальше решать свои проблемы сам. Нас они не касаются, однако помочь тебе в безвыходном положении, особенно если это сделать нетрудно, мы были обязаны. Дошло?

– Хорошо, а дальше что?

– А дальше, перед нами поставили ультиматум. Что делает волчья стая, когда опасность начинает угрожать всем? Правильно, в этом случае волки сбиваются в кучу и, забыв старые обиды, пытаются решить проблему сообща. Потом, когда опасность минует, они снова будут жить по закону «каждый за себя», но пока этого не случилось, интересы выживания рода – превыше всего. Ну, понимаешь теперь?

А может, они и в самом деле не врут?

Я вытащил из кармана еще одну сигарету и, закурив ее, посмотрел вверх. Там, неумоимо, в бессмысленном механическом веселье крутила бедрами девица, жутко похожая на одну мою знакомую журналистку.

Вот у нее-то уж точно никаких проблем. Ни малейших. В отличие от меня.

– Как вы переправите меня в большой мир? – спросил я.

– В свое время узнаешь, – заверил Сплетник. – Может быть, тебе этот способ не совсем понравится, но другого у нас нет. Ну как, согласен нам помочь оставить мусорщиков с носом?

Я тяжело вздохнул, стряхнул пепел на пол и сказал:

– Ладно, прах с вами. Что я должен сделать?

– А вот это мы сейчас придумаем, – жизнерадостно заявил Сплетник. – Кстати, по моим подсчетам, у нас осталось совсем немного времени.

– Не надо его зря тратить, – сказал Хоббин. – Я уже, кажется, придумал, что надлежит сделать.

7.

Ничего не изменилась. Небо было все того же цвета, и солнце сияло все так же весело и ярко. Даже белка все еще крутилась в небе. Правда, на ленте привязанной к ее животу, теперь была другая надпись: «Ребята, скоро кое-кому придет хана!»

Конечно, наверняка, эта надпись была сделана кем-то по совершенно постороннему поводу и ко мне не имела никакого отношения, но все же она мне не понравилась. Очень.

Я оглянулся.

Ноббин и Хоббин уже затерялись в складках местности, и теперь определить, откуда они за мной наблюдают, было совершенно невозможно.

Хотя лично они могли за мной и не следить. Зачем им это было делать? Для того чтобы знать о моих перемещениях, наверняка было достаточно взгляда Сплетника. Уж он-то мог наблюдать за мной откуда угодно, хоть с хвоста этой самой проклятой белки.

Белка.

Я снова посмотрел вверх. Теперь на ленте была уже другая надпись: «Впрочем, все в руках господних».

Угу, правильно. Оракул, дающий четкие и недвусмысленные советы, рискует в самом ближайшем будущем получить по голове боевым топором, а то и узнать, каково это, когда

тебя поджаривают на медленном огне.

Мальчишка в коротких штанишках, сандалиях и рубашке, с которой скалилась физиономия какой-то поп-звезды, обладавшей совершенно чудовищной по размерам пастью, кинулся ко мне, размахивая пачкой газет и выкрикивая:

– А вот последние эксклюзивные новости. Только здесь, только в нашей газете, то, чего не было в последних новостях галовиденья! Берите, почти даром. Последние новости о маньяке – бродячей программе! На ее счету нападения на стражей порядка уже в семи киберах. Покупайте нашу газету и узнаете леденящие душу подробности этих нападений!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.